

КРЕСТЬЯНЕ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ XVI ВѢКА.

(Изслѣдованіе Д. Мордовцова, въ III т. Архива, издав. Н. В. Калачовымъ).

Историческое изображеніе юридическаго прошедшаго у всякаго народа, сообразное съ установившимися требованіями современной науки, исполнено живаго и назидательнаго интереса. Безполезныя попытки ученыхъ отыскать общее начало, или право, на которомъ держится все общество, будетъ ли такимъ началомъ первобытный контрактъ, польза или понятіе человѣческой личности, заставили науку права оставить міръ остроумныхъ гипотезъ и низойти на реальную почву. Смѣшонъ теперь нашимъ современникамъ многоученый Бентамъ съ его вѣрою въ могущество открытаго имъ начала, съ затѣею писать кодексъ государственныхъ учреждений для всѣхъ народовъ и съ легкомысленнымъ предложеніемъ своихъ услугъ иностранцамъ, занимавшимся въ его время составленіемъ уложений. Съ тѣхъ поръ государственная мудрость успѣла вступить въ тѣсный и неразрывный союзъ съ историческою дѣйствительностію. Требуя оцѣнки государственнаго или общественнаго учрежденія, мы не справляемся о томъ, согласно-ли оно или нѣтъ съ отвлеченнымъ началомъ какой нибудь философской системы права, но желаемъ прежде всего знать исторію этого учрежденія: когда оно принято народомъ; нашло-ли оно, въ новомъ кругу своего примѣненія, противодѣйствующія и благопріятствующія стихіи; было-ли парализировано противодѣйствіемъ, или восторжествовало, и вышло-ли изъ борьбы во всей первобытной чистотѣ своей, или получило новый, не бывалый прежде, оттѣнокъ. Только отвѣтивъ на эти вопросы, мы будемъ вправѣ дѣлать свои заключенія о томъ, есть-ли

въ разсматриваемомъ законѣ условія народности, возможно—ли ожидать, отъ примѣненія его, благотѣльныхъ послѣдствій, или же, для общаго блага, нужно желать его уничтоженія.

Развитіе этого взгляда на право заключается въ признаніи юридической силы обычая, въ изысканіи органической связи всякаго отдѣльнаго опредѣленія писаннаго и неписаннаго закона со всею совокупностію юридическаго быта народа. Историкъ—юристъ, ставшій на такую точку зрѣнія, видитъ въ массѣ народа, для котораго пишутся законы, не одно страдательное, но также и дѣятельное, начало. Въ его глазахъ, люди, занимающіеся редакціею законовъ, вращаются въ кругу народа и невольно переносятъ его юридическія понятія въ свои труды; съ другой стороны, — историкъ—юристъ допускаетъ, что утвердившійся въ юридическомъ бытѣ и обществѣ обычай можетъ ослабить примѣненіе и совершенно парализовать силу непопулярнаго закона. Подобное историческое изученіе юридическаго быта народа находитъ свое приложеніе въ фізіологическомъ направленіи науки права и современно признанію въ политикѣ начала народностей.

Какимъ бы смутнымъ ни представлялся намъ образъ славянскихъ законодательствъ, начерченный нетвердымъ перомъ Польскаго законовѣда Мацѣвскаго, но, навѣрно, ничѣмъ нельзя поколебать увѣренность современнаго общества въ томъ, что право славянскихъ народовъ имѣетъ свою фізіономію, ему одному свойственную; что въ немъ есть характеристическія особенности, рѣзко отличающія его отъ законодательствъ Германскихъ и Римскаго права, долго считавшагося нормою всякаго права — вѣчнымъ правомъ. Не менѣе сильно наше убѣжденіе и въ томъ, что Польское и Русское законодательства, близкія между собою по племенному единству народовъ, которымъ они принадлежатъ, имѣютъ свои рѣзкія черты различія.

Задача науки — отыскать необходимое присутствіе въ каждомъ изъ нихъ народныхъ началъ и прослѣдить преемственную жизнь и видоизмѣненія послѣднихъ въ исторіи права. Только достигнувъ такимъ путемъ простаго, сжатаго, и вмѣстѣ полнаго представленія юридическаго быта двухъ народовъ, законодатель можетъ дѣлать безошибочную оцѣнку, въ общечеловѣческомъ и національномъ смыслѣ, достоинства существующихъ и вновь вводимыхъ опредѣленій права. Только на этой ступени исторія права достигнетъ той цѣли, къ которой она постоянно стремится: быть откровеніемъ прошедшаго и руководствомъ для настоящаго.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время Польская и Русская литературы не имѣютъ исторіи права, которая бы вполне удовлетворяла современнымъ требованіямъ науки. Въ русскомъ правовѣденіи первое мѣсто въ области историческихъ трудовъ безспорно принадлежитъ *Исторіи російскихъ гражданскихъ законовъ*, Неволлина. Но вотъ слова, которыми г. Кавелинъ охарактеризовалъ его въ части, относящейся къ наслѣдству по русскому праву. «Обладая изумительною начитанностію, г. Неволлинъ свелъ всѣ данныя, всѣ отрывочныя извѣстія о наслѣдованіи въ одно цѣлое, подробно обследовалъ ихъ, сравнилъ между собою и воспользовался всѣми, даже по видимому маловажными намеками источниковъ, для объясненія древнихъ постановленій. Будучи по преимуществу легистомъ, г. Неволлинъ всюду старался отыскать и возстановить непосредственную связь между законами. Такая метода изслѣдованія очевидно недостаточна при изученіи такихъ историческихъ эпохъ, когда обычай служитъ закономъ, а законъ писанный лишь измѣняетъ и дополняетъ обычай, и потому представляетъ одни отрывочныя правила, неимѣющія между собою непосредственнаго отношенія. Для изученія такихъ эпохъ нужна другая метода; необходимо взглянуть во всю совокупность быта, по среди котораго возникаютъ изслѣдуемые отрывочныя юридическіе факты и въ немъ, чрезъ него искать между ними единства, за недостаткомъ непосредственной связи (1)». Въ Польской литературѣ замѣчательнѣйшій по объему историко-юридическій трудъ составляетъ сочиненіе Чацкаго о *литовскихъ и польскихъ законахъ*.

О достоинствѣ этого труда новѣйшій польскій писатель по исторіи права, г. Мацѣевскій говоритъ такъ: «Чацкій, въ своихъ ученыхъ изысканіяхъ, былъ послѣдователемъ Монтеस्कё, который занимался болѣе основаніемъ и задачею устройства человѣческихъ обществъ, чѣмъ системами политической ихъ организаціи. Между тѣмъ, Чацкій не усвоилъ себѣ, глубокимъ изученіемъ римскихъ юристовъ, ихъ ученаго такта, ихъ удивительнаго искусства выводить изъ извѣстныхъ опредѣленій права ближайшія и дальнѣйшія логическія слѣдствія, и потому, при всѣхъ достоинствахъ ученаго труда Чацкаго, можно сказать о немъ, что авторъ сочиненія о литовскихъ и польскихъ законахъ не открылъ ни духа литовскаго права, ни древнѣйшаго его источника (2)».

(1) Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка закон. наслѣдов.
Мацѣевскій. *Historia prawodawstw Słowiańskich*, т. 1, стр. 365.

При такомъ состояніи науки исторіи русскаго и польскаго права, мы вправѣ многого ожидать отъ тѣхъ ученыхъ изслѣдованій, которыя, опираясь на знаніи источниковъ права обоихъ народовъ, будутъ пользоваться явленіями изъ жизни одного изъ нихъ для критической оцѣнки юридическихъ фактовъ другой народной сферы, и воспользуются ими въ своихъ научныхъ выводахъ путемъ аналогическихъ заключеній. Путь сличенія близкихъ между собою законодательствъ для юриста-историка тотъ-же, что сравнительная лексикографія для филолога, что минералогія, эмбриологія и зоологія для физиологій животной жизни.— Какъ филологъ и физиологъ не могутъ, при настоящемъ состояніи наукъ, опредѣлить, гдѣ оканчивается одинъ языкъ и гдѣ начинается другой, или гдѣ оканчивается жизнь растений и начинается животная, но имѣютъ постоянною задачею своею опредѣленіе качествъ разсматриваемыхъ ими предметовъ и ихъ особенностей, — такъ и юристъ не можетъ указать всѣхъ чертъ отличія одного права отъ другаго; а открывъ ихъ, онъ постигъ бы все существо изучаемаго права.

Въ этомъ новомъ направленіи чисто историческія сочиненія предупредили юридическія, въ особенности съ того времени какъ исторія, воспользовавшись богатствомъ открытыхъ и вновь открываемыхъ памятниковъ прошедшаго, получила возможность заниматься больше изслѣдованіемъ внутренней жизни народа, чѣмъ явленіями политической сферы. Созданный историческими изслѣдованіями профессора Костомарова образъ древней Руси, какъ группы земель, различныхъ между собою по языку и обычаямъ ихъ обитателей, и въ то же время связанныхъ по происхожденію, въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ, единствомъ началъ, отдѣляющихъ Русскую Землю отъ другихъ славянскихъ и неславянскихъ союзовъ, ясно указываетъ дальнѣйшій путь изслѣдованій юристовъ-историковъ.—Проявленіе въ этой формѣ народнаго начала указываетъ на то, что, при изслѣдованіи юридическаго быта народа, мы вправѣ пользоваться явленіями изъ жизни на одномъ пространствѣ земли для объясненія закона и обычая другаго соплеменнаго союза, и что юристъ-историкъ, оставаясь на этомъ сбивчивомъ и трудномъ пути, никогда не долженъ терять надежды достигнуть своей цѣли—создать и вылить въ юридическую форму предметъ своего изслѣдованія: бытъ народа съ его національною особенностью.

Для Русской исторіи и права вообще большой интересъ представляетъ изученіе юго-западной Руси, гдѣ столкнулись Русская, Литов-

ская и Польская национальности и гдѣ исторія считаетъ 4 столѣтія ихъ совмѣстнаго, болѣе или менѣе близкаго существованія. Въ юго-западной Руси, подѣ державою сперва В. Князей Литовскихъ, а потомъ Польской Речи-посполитой, по всей вѣроятности, въ законодательствѣ, а еще болѣе въ обычаяхъ, обозначались начала національныя, начала трехъ названныхъ нами народовъ. Раскрытие ихъ въ наукѣ должно обогатить народное самопознаніе и, быть можетъ, сдѣлаетъ рѣшительный переворотъ въ Польской и Русской наукахъ исторіи и права. Въ ученыхъ изслѣдованіяхъ этого рода на первомъ планѣ, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ быть юридическій бытъ крестьянъ королевскихъ и помѣщичьихъ, потому, во-первыхъ, что народныя начала всегда вообще дольше удерживаются въ массахъ, для которыхъ закрыта политическая арена съ ея характеромъ легкости и быстротечности и во-вторыхъ потому, что крестьяне, по Литовско-Польскому законодательству, были подведены подѣ одну юридическую формулу со всѣми людьми *простого стану*, составлявшими противоположность привилегированнаго шляхетскаго сословія. Слѣдовательно, пиша о крестьянахъ юго-западной Руси, нужно захватить весь строй гражданскихъ и политическихъ отношеній въ Литовско-Польской Речи-посполитой.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны ни въ Польской, ни въ Русской литературѣ труды, посвященные исключительно этому предмету.

Начинаніе въ этомъ дѣлѣ, казалось бы, должно принадлежать Польскимъ писателямъ, которые, при знаніи своей литературы вообще и польскихъ источниковъ права, соединены съ русскимъ народомъ политическими и общественными связями. Но они, по неизвѣстнымъ причинамъ, и быть можетъ находя собранные у нихъ матеріалы недостаточными, не останавливались еще, сколько намъ извѣстно, съ полнымъ вниманіемъ на юридическомъ бытѣ юго-западной Руси. Что же касается писателей Русскихъ, то самая мысль о подобномъ изслѣдованіи, ни въ чемъ положительнымъ образомъ не высказывалась, и казалось совсѣмъ была ими оставлена. Еще въ прошломъ столѣтіи въ Малороссіи живы были воспоминанія о прошедшей исторіи страны подѣ державою Польской Речи - посполитой; еще тогда дѣйствовалъ Литовскій Статутъ, и мѣстное управленіе носило на себѣ отчасти польскій характеръ,—и потому мы имѣемъ отъ того времени писателей, которые заглядывали въ памятники прошедшаго Малороссіи, принадлежавшей къ Польской коронѣ, и считали повидимому знаніе польскаго права необходимою принадлежностью своего политическаго образованія.

Такими писателями были Шафонскій, Политика и др. Но когда были уничтожены нѣкоторые прежнія учрежденія, и Малороссія вошла въ число губерній, управляемыхъ отчасти по общимъ Русскимъ законамъ, и въ особенности, по отмѣнѣ дѣйствія Литовскаго Статута—любопытность образованныхъ Малороссіянъ получила другое направленіе. Прекратившаяся при новомъ порядкѣ вещей, нравственная и политическая связь съ Польшею долго не вызывала воспоминаній о себѣ Русскихъ писателей-юристовъ и публицистовъ, и только въ послѣднее время стали чувствовать потребность сдѣлать юридическій бытъ юго-западной Руси предметомъ спеціальнаго изслѣдованія.

Статья г. Мордовцова, помѣщенная въ III т. Архива Историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи 1861 г., кажется, первое въ Русской литературѣ сочиненіе о крестьянахъ юго-западной Руси. Авторъ занимается бытомъ крестьянъ юго-западной Руси въ XVI в. Сочиненіе это по предмету своему (права и обязанности крестьянъ) юридическое, хотя по развитію содержанія и по характеру выводовъ автора оно выходитъ, какъ мы впоследствии увидимъ, изъ юридической сферы.

Статью свою г. Мордовцовъ начинаетъ изложеніемъ правъ крестьянъ по статуту В. Княжества Литовскаго 1588 г.; въ приводимыхъ статьяхъ статута авторъ усматриваетъ, что, по понятію самаго закона, между человѣкомъ *простого стану* и *становъ шляхетскимъ* существовало неизмѣримое различіе: вдова стану шляхетскаго, выходя замужъ, безъ воли родственниковъ, за человѣка простого стану, навсегда теряла свое достоинствѣ. Если шляхтичъ поселялся въ городѣ и начиналъ вести торгъ, или заниматься ремесломъ, то онъ терялъ права шляхетскія. Предпочтеніе шляхтича передъ человѣкомъ простого стану замѣчается и въ назначеніи наказаній за уголовныя преступленія. Крестьяне королевства Польскаго раздѣлялись на крестьянъ *коронныхъ* и крестьянъ частныхъ владѣльцевъ; были также въ сословіи крестьянъ и люди вольные. Первые изъ нихъ жили на землѣ, принадлежащей королевскимъ помѣстьямъ, платили за эту землю по-земельный оброкъ, прибавляя къ нему плату натурою, и работали для казны по опредѣленію мѣстныхъ властей. Самыя близкія власти, съ которыми крестьянинъ имѣлъ постоянно дѣло, были «войты» и «лавники», избиравшіеся изъ среды самыхъ же крестьянъ, но они не были избавлены и отъ казенныхъ чиновниковъ «ревизоровъ», «возныхъ», «подкоморыхъ» и другихъ, наводившихъ на нихъ ужасъ своимъ по-

явленіемъ. Земская полиція и все, что относилось до судебной и распорядительной власти, сосредоточивалось въ такъ называемыхъ «урядахъ», которые посылали чиновниковъ на слѣдствія, для разбора тяжёбныхъ дѣлъ, на ревизіи, за сборомъ податей, и пр.; чинили судъ и расправу надъ крестьянами, не имѣвшими права апелляціи, дѣлали смертные приговоры, и приводили ихъ въ исполненіе, не относясь къ высшимъ судебнымъ властямъ».

Этими немногими словами ограничился г. Мордовцовъ въ опредѣленіи правъ коронныхъ крестьянъ по отношенію къ полиціи и суду. Но читатель безъ сомнѣнія хотѣлъ бы знать, что такое были уряды, о которыхъ здѣсь говорится; было ли это тоже самое учрежденіе, что извѣстный, въ литовскомъ статутѣ, урядъ гродскій съ стоявшимъ на челѣ его судебнымъ старостою, или употребленное въ настоящемъ случаѣ названіе уряда относится къ управленіямъ старостъ, тиуновъ и державцевъ, которымъ поручались королевскія имѣнія, и соединялась-ли, такимъ образомъ, въ лицѣ послѣднихъ судебная власть съ полицейскою и хозяйственною.—На это г. Мордовцовъ не даетъ отвѣта, и видитъ дурную сторону этихъ учреждений въ томъ, что крестьяне на судъ ихъ и расправу не имѣли права апелляціи. Пользовались ли крестьяне правомъ апелляціи, въ томъ смыслѣ какъ теперь ее понимаютъ, т. е. правомъ перенести дѣло въ установленный срокъ изъ низшаго суда въ высшій для ревизіи постановленнаго приговора—мы не знаемъ, и очень вѣроятно, что г. Мордовцовъ правъ, отрицая существованіе такихъ апелляцій; но въ уставѣ *о волокахъ на войтовъ*—должностныхъ лицъ, назначавшихся по выбору крестьянъ,—возлагалась обязанность доносить ревизору о лихоимствѣ уряда (*абы врадъ винъ и пересудовъ надъ уставу не бралъ*). Изложенное въ этомъ уставѣ запрещеніе войтамъ и лавникамъ судить крестьянъ въ какихъ бы то ни было дѣлахъ,—подъ угрозою взысканія, въ противномъ случаѣ, пени въ казну рубля грошей, очень явно говоритъ о томъ, что эти выбранные люди прежде судили крестьянъ, и что послѣдніе усвоили себѣ привычку обращаться къ ихъ суду. Кромѣ того, намъ извѣстно, что Сигизмундомъ III были учреждены суды референдарскіе при его особѣ, для разрѣшенія споровъ между *державцами крулевицкиъ и экономъ* и поселянами (*); слѣдовательно короннымъ крестьянамъ въ Польшѣ и Литвѣ не былъ закрытъ

(*) *Herbarz*, Нѣсецкаго.

путь принесенія жалобъ вообще на своихъ урядниковъ. При томъ же, право апелляціи имѣетъ слишкомъ относительное значеніе въ судопроизводствѣ. Въ древнія времена, когда вся общественная жизнь совершалась подъ открытымъ небомъ, публичность судебной расправы и участіе въ ней всего народа или его представителей стояли на стражѣ правосудія,—и тогда не было надобности въ апелляціяхъ. Въ XV и XVI столѣтіяхъ произошла перемѣна въ судопроизводственныхъ формахъ Европейскихъ государствъ. Свѣтскіе суды заимствовали изъ церковной практики принципъ инквизиціи, что вмѣстѣ съ введеніемъ въ европейскія судопроизводства римской ученой юриспруденціи и съ всеобщимъ ослабленіемъ политическихъ правъ народа и его участія въ судѣ, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что въ Западной Европѣ заперлись судебныя залы, введена въ судопроизводство тайна, и для ограниченія произвола судей государства стали устанавливать законныя нормы доказательствъ. Тогда-то именно явилась потребность въ апелляціяхъ.

Глядя съ этой точки зрѣнія на судопроизводство вообще, мы думаемъ, что невозможно сдѣлать юридической оцѣнки судебныхъ учреждений въ имѣніяхъ польской короны безъ опредѣленія степени участія въ нихъ народныхъ мужей. Слѣды участія послѣднихъ въ судахъ, отправляемыхъ надъ крестьянами вообще, несомнѣнны. Народное начало, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, мало по малу съуживалось и наконецъ совсѣмъ было подавлено усилившимся могуществомъ пановъ и шляхты, но, по всей вѣроятности, оно еще долго жило въ памяти народа, который былъ привязанъ къ своему обычаю и считалъ нарушеніемъ права ни чѣмъ неограниченную юрисдикцію своихъ господъ. Не говоря о драгоцѣнныхъ въ этомъ отношеніи матеріалахъ, указанныхъ въ статьѣ профессора Иванишева, *объ устройствѣ древнихъ сельскихъ обществъ въ Юго-западной Руси*, мы можемъ сослаться на указаніе, содержащееся въ Топографическомъ описаніи Черниговскаго намѣстничества, Шафонскаго (ч. 1, § 34). Авторъ говоритъ, «что въ мѣстечкахъ, за Польскаго владѣнія, отъ владѣльцевъ установлены ратуши, въ которыя изъ ихъ же подданныхъ, мѣщанами называемыхъ, по волѣ владѣльца, выбирались войты и бургомистры, которые словесно, по естественному закону и своему разсудку, какъ своего мѣстечка, такъ и по деревняхъ живущихъ и того мѣстечка прежде владѣльцу принадлежащихъ жителей, судили. Такимъ образомъ, въ Гадячѣ есть замковыя дневныя записки съ

1645 года, изъ которыхъ видно, что замку Гадяцкаго королевскаго управитель, на Польскомъ языкѣ намѣстникъ, иногда самъ, иногда обще съ Гадяцкимъ войтомъ, все дѣла жителей Гадяцкихъ и до замку принадлежащихъ поселянъ, разбиралъ. По изгнаніи въ 1654 г. Поляковъ, намѣстники замковые также, обще съ ратушею, всякую расправу дѣлали». Не обратить вниманія на это обстоятельство, по нашему мнѣнію, значитъ потерять юридическую почву, трактуя о предметѣ столь юридическомъ, какъ права и обязанности крестьянъ. Въ обычаяхъ, существовавшихъ прежде и упорно оскорбляемыхъ насиліемъ, заключался идеалъ ихъ гражданскихъ отношеній и источникъ вражды къ притѣснителямъ. Безъ знанія обычаевъ, мы можемъ видѣть только давящую сверху силу, но намъ будутъ непонятны юридическое воззрѣніе народа, его права и характеръ нарушенія этихъ правъ. Въ глазахъ нашихъ, отзывъ г. Мордовцова, что крестьяне не имѣли права апелляціи, имѣетъ какой то лѣтописный характеръ. Безъ сомнѣнія, крестьянамъ, испытывавшимъ насилія лично и по имуществу и оскорбляемымъ въ драгоцнѣйшемъ ихъ правѣ—жить какъ они привыкли, некому было жаловаться, если они взяли за оружіе, возложивъ упованіе на Господа Бога. Но война плохой критерій для оцѣнки всякихъ учреждений. Подобно пожару, она имѣетъ то свойство, что, глядя изъ за нея, мы видимъ элементы внутренней жизни народа въ состояніи смѣшенія, а не такъ, какъ они были прежде. Стоя лицомъ къ лицу съ войною, современники не могутъ отрѣшиться отъ впечатлѣній страсти и стать выше точки зрѣнія той политической партіи, къ которой они сами принадлежатъ. Даже писатели, исполненные возвышенной любви къ человѣчеству и противники, по своему религіозному принципу, кровопролитія, кто бы ни былъ его начинателемъ, призываютъ благословеніе Неба на оружіе одного лагеря и называютъ Богоотступниками и раздирателями отчизны тѣхъ сподвижниковъ внутренней войны, которымъ они не сочувствуютъ. Сочинители лѣтописей, современники войнъ, не дали намъ вѣрныхъ изображеній внутренней жизни народа, и потому тонъ ихъ сказаній совершенно не уместенъ тамъ, гдѣ требуется анализъ фактовъ.

Окончивъ изложеніе правъ крестьянъ, г. Мордовцовъ переходитъ къ ихъ обязанностямъ, составлявшимъ обширнѣйшую и разнообразнѣйшую долю народной жизни, потому что у польскихъ крестьянъ, можно сказать, со всемъ не было правъ, а обязанностей было множе-

ство. Здѣсь авторъ пользуется матеріалами, напечатанными въ двухъ отдѣлахъ II и III томовъ *Памятниковъ* Кіевской Коммисіи, т. е. *уставомъ о волокахъ* короля Сигизмунда Августа, инвентарями помѣщичьихъ имѣній Луцкаго уѣзда, и арендными контрактами, записанными во Владимірскихъ гродскихъ книгахъ.

Существенные выводы, дѣлаемые авторомъ изъ фактовъ, содержащихся въ этихъ источникахъ, слѣдующіе: каждый коронный крестьянинъ обязанъ былъ работать на короля по два дня въ недѣлю, не считая четырехъ лѣтнихъ дней—такъ называемой *толоки*. Произволь въ распредѣленіи повинностей видѣнъ въ каждой главѣ королевскихъ уставовъ; онъ выражался въ ужасныхъ для крестьянина словахъ: *масть быти на бачности враду и ревизоровъ нашихъ*. Сверхъ исполненія различныхъ работъ, они платили въ казну поземельный оброкъ и довольно сложныя пошлины; жалованье чиновникамъ большею частію падало, хотя нѣсколько косвенно, на тѣхъ же крестьянъ. Кромѣ платы натурою, были поборы въ казну и деньгами. Сумма всехъ повинностей крестьянскихъ не велика,—если станемъ ее мѣрить по своему, на основаніи цѣнъ настоящаго времени; но по тому времени такіе поборы были тяжелымъ бременемъ для бѣднаго крестьянина, платившаго за все и отъ всего; для XVI-го вѣка это было тяжело татарскаго наѣда и только не тяжеле развѣ одного аренднаго состоянія. — Обозрѣвъ затѣмъ инвентари помѣщичьихъ имѣній, авторъ приходитъ къ такимъ заключеніямъ: «достатокъ въ быту поселеннаго выражается матеріальнымъ его состояніемъ: исправностью земледѣльческихъ орудій, большимъ или меньшимъ количествомъ рабочаго скота и другихъ необходимыхъ въ хозяйствѣ животныхъ. Это необходимое рѣдко имѣлъ у себя малорусскій крестьянинъ. Въ инвентаряхъ постоянно встрѣчаются слѣдующія извѣстія: на 250—260 хозяйствъ причитается 110 лошадей и 195 воловъ; на 113 хозяйствъ—47 лошадей и 74 вола и т. д. Если въ этомъ числѣ были богатые крестьяне, имѣвшіе по двѣ пары воловъ, то были и цѣлыя семьи, не имѣвшія ни вола, ни лошади, или часто одна лошадь приходилась на два хозяйства. Естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было обѣдненіе крестьянъ. И притомъ положеніе ихъ не улучшалось. Напротивъ, можно даже хронологически показать, какъ возрастали съ каждымъ годомъ цифры, выражавшія поземельный оброкъ крестьянъ и ихъ натуральныя повинности. Эта возрастающая прогрессія началась съ половины XVI столѣтія. Чтобы видѣть это, стоитъ только

сравнить инвентарь 1566 года съ инвентарями 1573 и 1598 годовъ. Уничтоженіе въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ барщины повлекло за собою установленіе порютювищины, подымовищины и проч. налоговъ; сѣнокосы отданы крестьянамъ за плату, которая восходила до 8 грошей за одинъ моргъ или 40 коп. сер. за 1587 кв. саж., на которыхъ, по самой большей мѣрѣ, можно накосить три большіе воза сѣна; а возъ сѣна стоилъ тогда три гроша и даже грошъ. Видя, какъ дорого обходился мужику моргъ сѣнокоса, нельзя удивляться, что въ хозяйствѣ малорусскаго крестьянина находилось такъ мало рабочаго скота. Въ XVI вѣкѣ, въ Малороссіи, считалось хорошею цѣною заплатить за добраго вола 2 или 2 $\frac{1}{2}$ руб. сер., за мужицкіе сани—грошъ или полтора, за четверикъ ржи—тоже грошъ или еще меньше: стало быть, въ то время, когда и трудъ человѣка и произведенія земли цѣнились такъ неимоверно дешево — платить 3 р. сер. и довольно большую подать натурою, при ежедневной барщинѣ, было не легко. Но ужасѣе всего была полная неограниченность правъ владѣльца и обычай отдавать имѣнія въ арендное содержаніе. Во всѣхъ записяхъ неизмѣннымъ арендаторомъ является жидъ. Жиду этому предоставляется право брать себѣ всякіе доходы, судить и радить бояръ *путныхъ*, также всѣхъ крестьянъ виновныхъ и непослушныхъ наказывать денежною пеней и смертію».

«При такихъ условіяхъ, южнорусскій поселянинъ», говоритъ г. Мордовцовъ, «доведенный до послѣдней степени нищеты и безпрестанно оскорбляемый въ самыхъ лучшихъ своихъ чувствованіяхъ,—въ чувствѣ религіозномъ и патріотическомъ, — мѣнялъ косу и цѣпь на саблю и винтовку, или же просто съ косою и граблями уходилъ къ козакамъ, движимый послѣднимъ чувствомъ — животнаго само-сохраненія».

Изъ приведенныхъ нами словъ г. Мордовцова видно, что для опредѣленія положенія крестьянъ юго-западной Руси онъ пользуется понятіемъ цѣны ихъ повинностей и вещей, необходимыхъ въ домашнемъ обиходѣ, и сравненіемъ съ цѣнами теперь существующими. Ошибка автора въ этомъ отношеніи очевидна. Во первыхъ, онъ не принялъ во вниманіе географическаго измѣненія крестьянскихъ повинностей въ юго-западной Руси. Въ Украинѣ повинности были легче, чѣмъ на Волыни (*), такъ какъ возвышенію ихъ не благопріятствовали, по всей

(*) Записки о Южной Россіи. Кулиша, т. II, акты изъ собранія Рулицковскаго, стр. 331.

вѣроятности, изобиліе земли, частые набѣги татаръ и свободный духъ крестьянъ, поддерживаемый присутствіемъ козаковъ. Между тѣмъ, авторъ, дѣлая общія заключенія о положеніи крестьянъ юго-западной Руси, пользовался актами, относящимися только до имѣній, находящихся на Волыни. Во вторыхъ—начало цѣнности, взятое въ отдѣльности, односторонне и недостаточно для объясненія внутренней жизни народа, и можетъ повести насъ къ такимъ же произвольнымъ заключеніямъ, какія бы мы получили, подводя дѣйствительные факты подъ отвлеченныя понятія первоначальнаго контракта, пользы и пр. Напримѣръ: по расчету г. Мордовцова, у крестьянъ, какъ коронныхъ такъ и помѣщичьихъ, за уплатою лежавшихъ на нихъ повинностей, ничего или очень мало оставалось на расходы для собственныхъ надобностей. Между тѣмъ, изъ инвентаря имѣнія Заборольскаго, по словамъ автора, видно, что 64 души (тягла), находившіяся въ этомъ имѣніи, имѣли 46 лошадей и 93 штукъ воловъ, или, въ селѣ Бруховичахъ, на 50 работниковъ, 37 тяглыхъ и остальные огородники или подсосѣдки. Такое количество рабочаго скота и подобное отношеніе тяглыхъ работниковъ къ огородникамъ, даже и при настоящемъ состояніи земледѣлія въ Малороссіи, слѣдуетъ считать удовлетворительными. Въ этомъ убѣждаютъ насъ официальные свѣдѣнія, доставленные въ послѣднее время помѣщиками, по которымъ въ Полтавской губерніи отношеніе пѣшихъ крестьянъ къ тяглымъ 73 : 100. Въ той же Полтавской губерніи, по свѣдѣніямъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, на 466,020 наличныхъ душъ мужескаго пола имѣется крупнаго скота: лошадей и рогатаго скота: 437,853 штуки. Если вычесть изъ этого числа коровъ и малолѣтковъ неспособныхъ къ работѣ, то можетъ быть окажется, что и теперь не каждый государственный крестьянинъ въ Полтавской губерніи можетъ обрабатывать землю своимъ скотомъ.

Но мы очень хорошо знаемъ, что у государственнаго крестьянина Полтавской губерніи осталось не одно чувство животного само-сохраненія. Напротивъ, посреди незавидной и часто крайне скудной обстановки домашняго быта, онъ является человѣкомъ нравственнымъ, съ человѣческими мыслями и желаніями и способностью къ развитію своего умственнаго и вещественнаго богатства.

Понятіе цѣнности само по себѣ недостаточно для опредѣленія даже и экономическихъ явленій народной жизни: нельзя оцѣнивать даровыхъ силъ природы, и трудно дѣлать какія либо предположенія о

цѣнѣ тѣхъ вещественныхъ богатствъ страны, которыми пользуется человѣкъ, употребляя лишь столько труда, сколько нужно для того, чтобы сорвать плодъ съ дерева, поймать рыбу, убить птицу и проч. Наконецъ, въ экономическомъ отношеніи, независимо отъ цѣнности вещей, имѣетъ важное значеніе способъ распредѣленія богатства. Еще менѣе понятіе цѣнности можетъ удовлетворить юриста. Цѣнность, какъ результатъ сравненія вещей между собою, составляетъ въ юридическомъ быту только одну сторону имуществъ, находящихся въ обращеніи. Кромѣ цѣнности, право допускаетъ еще и другія основанія въ опредѣленіи отношеній нашихъ къ вещамъ. Такимъ образомъ, оно не дозволяетъ незаконному владѣльцу недвижимаго имущества освободиться отъ справедливаго требованія собственника уплатою одной цѣнности этого имущества; но предписываетъ возвратить отыскиваемое въ его наличномъ состояніи. Равнымъ образомъ, никакое законодательство не полагаетъ оцѣнки личнымъ правамъ состоянія, праву законнаго рожденія, праву опеки и проч. Въ отношеніяхъ нашихъ къ вещамъ, всѣ законодательства признаютъ что-то непосредственное, и въ нашихъ правахъ—внутреннюю и нерасторгаемую связь съ живымъ существомъ ихъ юридическаго субъекта. Нарушеніе всякаго права удручаетъ насъ не одними послѣдствіями матеріальнаго лишенія, которыя можно предотвратить замѣною отнимаемаго равноцѣнными вещами, но также и душевнымъ оскорбленіемъ, которое наноситъ намъ нарушитель права, вторгаясь во внутреннее святилище нашего юридическаго бытія. Ошибочно по этому прилагать къ исторіи человѣческихъ обществъ такой взглядъ, что они могутъ спокойно существовать при извѣстной суммѣ находящихся въ ихъ пользованіи вещественныхъ цѣнностей, и коль скоро насиліе доводитъ ихъ матеріальный достатокъ до извѣстнаго предѣла, то имъ, по выраженію автора, остается одно чувство животнаго самосохраненія—и они возмущаются. Такая мѣрка состоятельности гражданъ нигдѣ не существуетъ ни въ дѣйствительности, ни въ отвлеченіи. Извѣстная сумма цѣнностей можетъ показаться необразованному поселянину достаточнымъ фондомъ его безбѣднаго существованія; но если бы оставить при ней одной человѣка съ развитыми потребностями, то въ душѣ его не останется ни одного мѣста, не пораженнаго чувствомъ лишенія, которое болѣе слабыхъ можетъ довести даже до отчаянія и самоубійства.

Чѣмъ выше благосостояніе человѣка, чѣмъ болѣе въ немъ обра-

зованности и энергій, тѣмъ живѣе чувствуется имъ матеріальное лишение и тѣмъ сильнѣе оскорбляется нарушенное право. Человѣкъ, матеріально-духовное существо, переноситъ въ міръ матеріи свое субъективное бытіе и цѣнитъ въ вещахъ не одно достоинство ихъ, какъ матеріи, но и ихъ связь съ своимъ внутреннимъ міромъ. Заставляя вещи служить своимъ потребностямъ, онъ получаетъ отъ нихъ не только животную пищу, но и духовную.

Что замѣчается въ жизни отдѣльныхъ лицъ, тоже самое имѣетъ примѣненіе и къ цѣлымъ обществамъ. Обитатели востока, которымъ испоконъ вѣка давящій деспотизмъ постоянно препятствовалъ развивать матеріальное благосостояніе и лучшія понятія гражданственности, гораздо терпѣливѣе переносятъ лишения, чѣмъ жители Европы, поставившей задачею своей исторіи эманципацію личности и обезпеченіе ея индивидуальной свободы. Политическая мудрость въ матеріальномъ богатствѣ народа и его цѣнности видитъ одно относительное значеніе, и достаточность или недостаточность народнаго богатства для удовлетворенія нуждамъ націи обусловливается прежде всего ея потребностями, ея внутреннимъ міромъ. Такимъ образомъ, въ статистикѣ Европейскихъ государствъ, извѣстенъ, какъ примѣненіе этого начала, тотъ законъ, что государственные союзы съ національнымъ правительствомъ и одноплеменнымъ населеніемъ носятъ въ себѣ условія прочности, и долѣе сохраняются, несмотря на превратности исторической судьбы, большую или меньшую чувствительность общихъ и частныхъ лишеній.

Обращаясь къ крестьянамъ юго-западной Руси XVI столѣтія, мы можемъ сказать, что народъ этотъ терпѣлъ матеріальныя и правственные лишенія. Терпѣлъ онъ отъ своевольтва войска, отъ роскоши и мотовства пановъ, отъ жидовъ-арендарей, которымъ отдавались имѣнія съ правомъ судить крестьянъ и даже казнить смертію. Все это подтверждается свидѣтельствами современниковъ, *думами* и преданіями народа и, наконецъ, тѣми актами Кіевской Комиссіи, которыми пользовался авторъ для составленія своей статьи. Но этого мало: намъ еще нужно знать, какъ смотрѣлъ народъ на эти притѣсненія, какія права свои онъ считалъ нарушенными, какъ хотѣлъ жить и къ какому порядку стремился? Чтобы отвѣчать на эти вопросы нуженъ анализъ внутренней жизни народа; но г. Мордовцовъ, привязавшись къ одностороннему началу цѣны, не взялъ на себя этого труда, и потому его объясненія фактовъ, записанныхъ въ актахъ

Кіевской Коммисіи, не имѣютъ ни юридическаго характера, — потому что въ нихъ нѣтъ ничего о правахъ крестьянъ по обычаю и собственнымъ ихъ понятіямъ, ни историческаго — потому что въ исторіи предполагается движеніе; а изъ всѣхъ выводовъ автора соотвѣтствуетъ этому условію только одно замѣчаніе, что съ 1566 г., съ каждымъ годомъ возрастали цифры, выражавшія поземельный оброкъ крестьянъ и ихъ натуральныя повинности, ни статистическаго, потому что статистика занимается отысканіемъ среднихъ и постоянныхъ чиселъ, а г. Мордовцовъ пользуется находившимися у него цифрами, какъ примѣрами и образцами; наконецъ, въ разсматриваемой статьѣ г. Мордовцова, нѣтъ ничего и политико-экономическаго, потому что авторъ даже не вспоминаетъ ни объ одномъ законѣ развитія народнаго богатства.

Выраженіе автора, что у Южно-русскаго поселяннина XVI в. не оставалось ничего, кромѣ чувства животнаго самосохраненія, мы считаемъ обмолвкой: иного значенія не можемъ придать этимъ словамъ, потому что самъ г. Мордовцовъ приводитъ въ своей статьѣ пѣсни и думы народа, въ которыхъ сказалось его оскорбленное чувство челоуѣческаго достоинства и, по видимому, хорошо знаетъ событія исторіи, обратившей Южно-русскаго народъ въ военный лагерь, въ которомъ неграмотный земледѣлецъ, наравнѣ съ просвѣщенными людьми, предводительствовалъ военною силою и участвовалъ въ образованіи внутренняго управленія и заключеніи политическихъ союзовъ.

Въ заключеніе скажемъ о статьѣ г. Мордовцова, что радуемся появленію ея, какъ доказательству любознательности просвѣщенныхъ людей, обращенной на ту сторону русскаго жизни, которой мы придаемъ большую важность по причинамъ, выше нами изложеннымъ. Мы очень благодарны автору за составленное имъ довольно тщательное извлеченіе изъ актовъ Кіевской Коммисіи, которое познакомитъ многихъ читателей съ этимъ драгоцѣннымъ источникомъ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній о Южной Руси. Что же касается до выводовъ автора, то въ нихъ, какъ мы прежде сказали, нѣтъ анализа внутренней жизни народа.

Авторъ раскрываетъ передъ нами картину насилія, являющагося то въ формѣ притѣснительнаго закона, то въ видѣ произвола пана и жида-арендатора, но не нисходитъ къ самому народу съ его правами, мыслями и желаніями, взлелѣянными правами и обычаями прошедшаго. Въ своихъ заключеніяхъ, г. Мордовцовъ ничего не прибавилъ,

по нашему мнѣнію, къ всему тому, что намъ извѣстно изъ актовъ Киевской Комиссіи и другихъ источниковъ. Заключенія эти сами по себѣ ничего не говорятъ, или, пожалуй, говорятъ новаго на столько, на сколько дополняетъ характеристику 1674 года наивно простодушная острота лѣтописца Величка: «Тотъ годъ на лѣтерѣ *добрь* теченіе свое отпраовати начавій, долженъ былъ отъ имени своего доброе и благополучное даровати житіе; еднакъ добра не было». Дѣйствительно не было добра въ Юго-западной Руси, ни въ XVI столѣтіи, ни въ 1674 году, и это не ново. Остается намъ узнать, какого добра намъ нужно было въ то время и что помѣшало ему осуществиться.

А. П....кій.

ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

I.

Много лѣтъ тому назадъ, *Тарасъ Григорьевичъ Шевченко* началъ издавать альбомъ рисунковъ, подъ названіемъ «*Живописная Украина*». Любя, и глубоко уважая Тараса Григорьевича, я рѣшился назвать свое изданіе тѣмъ же именемъ, въ память Шевченка. Пусть мой трудъ служить какъ бы продолженіемъ бывшаго труда Тараса Григорьевича.

Поясню назначеніе своего альбома подробнѣе, чѣмъ въ объявленіи. Цѣль моя—ознакомить не только съ стариною Малороссіи, но и съ современной фязіономіей Украинскаго народа, со всею обстановкой его быта, съ утварью, постройками, шитьемъ, рѣзбой, и съ видами южнаго края; словомъ, все, что составляетъ жизнь Малороссіи, найдетъ мѣсто въ моемъ альбомѣ. Ежели число подписчиковъ увеличить мои настоящія средства, то я расширю размѣръ и объемъ своего изданія; а именно, я бы хотѣлъ издавать въ краскахъ все, что имѣетъ интересъ красокъ, также выкройки одеждъ и изображенія всякаго рода произведеній, хотя бы даже не составляющихъ мѣстной особенности, но сдѣланныхъ Малороссами.

Еще разъ прошу cadaго, имѣющаго что-либо снятое съ натуры, какъ-бы оно ни казалось малозначущимъ, доставлять мнѣ, для помѣщенія въ альбомѣ, прилагая только подробное описаніе того, что сдѣлано, кѣмъ сдѣлано и когда. Все будетъ возвращено мною, по минованіи надобности, въ полной исправности и съ душевной благодарностью.

Случалось и не одному мнѣ ѣздить по Малороссіи и дѣлать за-

мѣтки съ натуры; но, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, эти записныя книжки хранились каждымъ про себя, какъ бывшя впечатлѣнія, какъ справочные листы, или же складывались въ домашній архивъ, гдѣ часто стирались, марались и терялись. Я самъ, дорожа подобными трудами всегда, потерялъ три такихъ книжки, въ которыхъ было сотни три рисунковъ; при переѣздахъ и перемѣнѣ квартиръ—это неизбежно. Потерявъ эти—для меня—драгоценности, я еще болѣе оцѣнилъ ихъ; утрата была невозвратимая, и тогда я еще упорнѣе захотѣлъ подѣлиться собраннымъ матеріаломъ съ другими любителями подобныхъ чертежей и роднаго края; съ того времени, я еще живѣе чувствую необходимость спасать трудъ cadaго.

Мнѣ очень жаль, что размѣръ рисунковъ моего альбома такъ малъ; но увеличить его я не могъ: это повлекло бы къ двойнымъ издержкамъ меня и подписчиковъ.

— У насъ не много людей, понимающихъ оконченныя произведенія художества, и едвали не менѣе такихъ, которые поняли-бы и вполнѣ оцѣнили очеркъ и эскизъ. Большая часть смотритъ на картину съ слѣпымъ благоговѣніемъ, а на эскизы и легкія наброски, какъ на марање, едва заслуживающее вниманія, и не придаетъ имъ никакой цѣны. Такой рутинный взглядъ вреденъ; онъ мѣшаетъ разумѣнію художества; слѣдить за эскизами поучительно. Конченное произведеніе требуетъ для оцѣнки своей большаго знанія, тогда—какъ очеркъ часто доступенъ и не специалисту. По этому поводу можно сказать много и разговоръ этотъ можетъ продолжиться на нѣсколько страницъ, но я постараюсь пояснить въ нѣсколькихъ словахъ значеніе эскиза и неконченнаго чертежа.

Эскизъ есть набросокъ зародившейся мысли. Все, что будетъ дѣлать художникъ далѣе, будетъ имѣть, конечно, свою цѣну; но это будетъ уже обработка той, первоначальной, мысли. Эскизъ есть основаніе будущаго произведенія, и рѣдкое конченное произведеніе удерживаетъ впечатлѣніе и свѣжесть эскиза. Отъ эскиза надо требовать того, что можетъ дать, и что долженъ дать эскизъ; а отъ картины то, что должна дать картина. И эскизъ и картина, повидимому, иногда неконченные, совершенно окончены. Конченность не въ сухости, не въ кропотливой обработкѣ, а тамъ, гдѣ мысль, или чувство высказались. Есть художники, которые интересны, изящны—только въ эскизахъ. Далѣе они не идутъ, ихъ жаръ остываетъ, выгораютъ на эскизѣ; эскизомъ кончается ихъ бытіе, какъ художниковъ. Одинъ съ

каждой чертой, съ каждымъ мазкомъ кисти, дѣлаетъ свое произведеніе лучше и лучше; другой—хуже и хуже. Наконецъ, есть еще такого рода очерки, которые *должны навсегда остаться очерками*; это тѣ черты, которыя были сняты съ натуры, особенно—изображающія народъ. Въ нихъ малѣйшее дополненіе безъ натуры есть преступленіе. Путешествуя, нѣтъ возможности чертить окончательно, а потому у меня въ изданіи много рисунковъ неконченныхъ,—я берегъ эту неконченность....

Поѣздки художниковъ по Россіи случаются рѣдко, да притомъ, поѣздки съ художественной цѣлью затруднительны ⁽¹⁾; а потому замѣтки художниковъ тѣмъ дороже.

Теперь перейду къ объясненію рисунковъ 1-го выпуска.

Форма *дверей* (изъ двора въ сѣш), изображенная на заглавномъ листѣ, не знакомая многимъ въ Черниговской губерніи, очень извѣстна въ губерніяхъ Полтавской, Кіевской и прочихъ.

Рисунокъ подъ № 1, изображаетъ *Козачій судъ въ Черноморьи*; рисоваль съ натуры, въ 1850 г., А. Е. Бейдеманъ, онъ же и награвировалъ его теперь. Налѣво сундукъ, — это казна; возлѣ ней—козакъ на сторожѣ. При подобныхъ судахъ, въ Малороссіи, очень часто выбираются, для переписки бумагъ, мальчики, чтобъ не понимали дѣлъ и не сплетничали, — черта весьма практическая. На Черноморьи также пишутъ, какъ мы видимъ, мальчикъ. Очень жаль, что художникъ не могъ рассказать намъ подробностей,—это было такъ давно, что онъ забылъ все, даже, въ какой именно стани-

(1) Въ 1840-хъ годахъ, Л. Ф. Лагоріо былъ остановленъ на Кавказѣ комендантомъ крѣпости, который заставилъ его рисовать *при себѣ* и затѣмъ уже отпустилъ его. Въ 1850 г., А. Е. Бейдеманъ былъ остановленъ солдатомъ крѣпости Ларсъ, въ ущельи, за Владикавказомъ... В. Θ. Тиммъ былъ арестованъ въ Землѣ Войска Донскаго. И такихъ примѣровъ очень много: почти ни одному художнику не обошелся его рисунокъ съ натуры безъ непріятности. Я былъ остановленъ, въ 1852 г., въ г. Прилукахъ, грубымъ полицейскимъ чиновникомъ, и только послѣ крупнаго объясненія съ городничимъ, выѣхалъ свободно изъ города. Въ 1854 г., въ хуторѣ Зарогѣ Полтавской губ., Лубенскаго уѣзда, мнѣ даже грозила большая непріятность. Меня огласили турецкимъ шпиономъ, обвинили въ томъ, будто-бы я подсыпалъ что-то въ воду бабѣ, которая послѣ меня схватилась за сердце и упала; наконецъ, будто бы одинъ видѣлъ даже у меня своими глазами фальшивый паспортъ. Меня хотѣли связать и доставить въ станъ. Отъ всего этого я былъ избавленъ П. А. Кулишомъ. Въ 1856 г., въ Бахчисараѣ, я былъ остановленъ какимъ-то маіоромъ и отправленъ съ будочникомъ по улицамъ города за то, что рисовалъ.

цѣ онъ рисовалъ: въ Темишбекской, Прочномъ—Окопѣ, или Баталь-Пашинской?

№ II, гравированъ мною съ рисунка И. И. Соколова, который ѣздилъ много по Малороссіи съ цѣлію изучить ее и собиралъ матеріалъ чрезвычайно добросовѣстно. Рисунокъ этотъ снятъ съ натуры въ селѣ Еремѣевкѣ (Полтавск. губ. Золотоношскаго уѣзда), и представляетъ «*дивчину въ дрибушкахъ*». Ленты разныхъ цвѣтовъ; на шеѣ *коралі*, образки, *личмани*—медали, которыя еще попадаются; *свитка* бѣлая, суконная.

№ III,—гравированъ тоже мною съ рисунка И. И. Соколова, сдѣлавшаго рисунокъ съ натуры въ томъ же селѣ Еремѣевкѣ. Онъ представляетъ «*бабусю въ намиткѣ*». Свита тоже бѣлая, суконная. Село Еремѣевка—одно изъ тѣхъ, которыя сохранили въ себѣ старину.

Считаю долгомъ благодарить *И. И. Соколова* за доставленные мнѣ рисунки; они такъ хороши, такъ добросовѣстно сняты, что лучшихъ и подобныхъ имъ я не знаю. Благодарю также *А. Е. Бейдемана*, пожелавшаго даже участвовать трудомъ въ моемъ изданіи; *О. Пл. Челищеву*, *Л. Ф. Лагорио* и *П. А. Кулиша*, доставившихъ мнѣ свои рисунки; *Ю. В. Толстаго*, доставившаго мнѣ два рисунка Штернберга и *А. Ф. Чернышева*, обѣщавшаго дать рисунки, которые вывезетъ изъ теперешней своей поѣздки въ Малороссію.

Левъ Жемчужниковъ.

ЗАМѢТКА О НАРОДНОМЪ ЯЗЫКѢ.

Въ 4-мъ № «Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника», въ отчетѣ о русинской депутаціи, отправленной изъ Галиціи въ Вѣну, напечатано слѣдующее разсужденіе о южно-русскомъ литературномъ языкѣ: «они (Галичане) имѣютъ письменность; языкъ ими употребляемый гораздо ближе къ нашему литературному языку, чѣмъ то малороссійское нарѣчіе, какимъ пишутъ наши украинскіе литераторы. Каждый изъ насъ совершенно легко можетъ читать все, что пишется на южно-русскомъ нарѣчьи, равно какъ и русскіе люди въ Галиціи совершенно свободно и съ особенною охотою читаютъ русскія книги. Писатели Червоной Руси стараются болѣе о томъ, чтобы сблизить свое нарѣчіе съ литературнымъ, обще-русскимъ языкомъ, не слѣдуя примѣру нашихъ украинскихъ литераторовъ, которые передразниваютъ всѣ отгѣнки и тоны народнаго говора».

Это странное мнѣніе автора «Современной Лѣтописи» удивляетъ насъ своею неопредѣленностію, неизвѣстностію началъ литературной критики, которыхъ держится авторъ, и непонятностію требованій, съ которыми она относится къ языку южно-русской литературы.

По всему видно, что онъ не благоволитъ къ тому южно-русскому языку, которымъ пишутъ украинскіе писатели, и симпатизируетъ галицкимъ литераторамъ за то, что они *не передразниваютъ* народнаго говора,—какъ это дѣлаютъ первые. Передразнивать же народный говоръ, если мы не ошибаемся, значить писать на языкѣ, похожемъ на народный, но не на народномъ; придавать словамъ и выраженіямъ такой смыслъ, какого они не имѣютъ въ изустной рѣчи народа, или, говоря иначе, писать языкомъ какъ бы народнымъ, но непонятнымъ самому народу. Передразниваніе вообще и передразни-

ваніе народнаго говора въ особенности—забава празднаго воображенія, пріятная развѣ тому, кто передразниваетъ, но, безъ сомнѣнія, немѣстная въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ литература, гдѣ удовольствіе и польза обѣихъ сторонъ, предлагающей и принимающей услуги, составляютъ условіе *sine qua non*... Литературное передразниваніе дурно, и не должно быть терпимо. Но кто именно изъ украинскихъ литераторовъ передразниваетъ народный говоръ; находятъ ли читатели уродливыя произведенія этихъ авторовъ и преслѣдуются ли они критикою—вотъ вопросы, которые авторъ Современной Лѣтописи оставляетъ въ сторонѣ, и даетъ, такимъ образомъ, поводъ думать, что, съ своей точки зрѣнія, онъ готовъ назвать передразниваніемъ народнаго говора даже и тѣ произведенія украинской литературы, которыя читаетъ и любитъ народъ какъ свои думы и пѣсни, пережившія въ его памяти сотни лѣтъ. Произведенія эти, народные по содержанію и по формѣ, писаны языкомъ русскимъ, далеко непохожимъ на литературный языкъ великорусскихъ писателей, и, вѣроятно, не имѣли бы такого успѣха въ украинскомъ народѣ, если бы были писаны языкомъ Жуковского, Пушкина, Гоголя и проч.

Значеніе народнаго элемента, въ русской литературѣ, Бѣлинскій характеризовалъ въ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ: «русская литература есть не туземное, а инородное, растеніе. Это обстоятельство даетъ особенный характеръ ей самой и ея исторіи; не понять этого обстоятельства, или не обратить на него всего вниманія, значитъ не понять ни русской литературы, ни ея исторіи. Ея исторія, особенно до Пушкина (отчасти еще и до сихъ поръ), состоитъ въ постоянномъ стремленіи отрѣшиться отъ результатовъ искусственной пересадки, взять корни въ новой почвѣ и укрѣпиться ея питательными соками. Идея поэзіи была выписана въ Россію по почтѣ изъ Европы,—и явилось у насъ заморское пововведеніе. Ее понимали какъ искусство слагать вирши на разные торжественные случаи....» «Пѣснопѣвческій» и «воспѣвательный» взглядъ на поэзію созданъ не нашими первыми поэтами: такъ смотрѣли тогда на поэзію во всей просвѣщенной Европѣ. Всеобщее извѣстностію тогда пользовались только древнія литературы.... Эпическая поэзія, по понятію псевдоклассиковъ, должна была воспѣвать какое-нибудь великое событіе въ жизни человѣчества, или въ жизни народа, и въ какую бы эпоху, у какого бы народа ни произошло это событіе, оно должно быть наряжено въ багряницу или тогу, лишиться мѣстнаго колорита, при-

водиться въ движеніе сверхъ-естественными силами, выражаться напыщенно и безцвѣтно, — чего необходимо требуетъ всякая поддѣлка подъ чужую форму и тѣмъ болѣе подъ чужую жизнь. Вотъ происхожденіе риторической поэзіи. Основаніе ея — отложеніе отъ жизни, отпаденіе отъ дѣйствительности. Такая-то поэзія была перенесена на Русь.»

Какъ бы далеко ни ушла русская поэзія до Бѣлинскаго и послѣ него въ своемъ стремленіи сдѣлаться народною, и какъ бы много языкъ ея ни принялъ въ себя естественности, живости и разнообразія народной рѣчи; но пройденный путь, — путь заимствованія чужаго и долгаго разобщенія съ живымъ источникомъ русской народной рѣчи, — еще и теперь очень явственно даетъ себя замѣтить во всякомъ новомъ литературномъ произведеніи велико-русской школы и его языкѣ. — Перифразируя, такимъ образомъ, взглядъ Бѣлинскаго на русскую литературу, мы должны прибавить, что высказанная въ приведенной выпискѣ мысль даровитаго критика въ свое время имѣла все условія для того, чтобы удивить читателей своею новостью и рѣзкою противоположностью съ утвердившимися литературными взглядами и предубѣжденіями; но теперь она за частую высказывается новѣйшими писателями-критиками. Мы съ нею, по-видимому, уже хорошо освоились, и забываемъ о ней только тогда, когда намъ приходится примѣнить общій взглядъ къ отдѣльнымъ явленіямъ литературы, или не узнаемъ ее тамъ, гдѣ она говоритъ о себѣ самимъ дѣломъ, хоть бы, напримѣръ, такимъ, какъ возникновеніе южнорусской литературы въ Галиціи и Украинѣ.

Авторъ «Современной Лѣтописи», находя въ языкѣ литературныхъ произведеній галицкихъ Русиновъ болѣе сходства съ литературнымъ велико-русскимъ языкомъ, чѣмъ въ языкѣ украинскихъ литераторовъ, не остановился ни на минуту вывести заключеніе въ пользу первыхъ, и обвиняетъ послѣднихъ въ дурномъ обращеніи съ народнымъ языкомъ. Наблюденіе, сдѣланное авторомъ надъ языкомъ должно бы было подвинуть его — обратить вниманіе на внутреннее содержаніе литературныхъ произведеній, и вникнуть по глубже въ характеръ и особенности литературной дѣятельности галицкихъ и украинскихъ писателей. Но авторъ «Современной Лѣтописи» не захотѣлъ, или не счелъ нужнымъ, взять на себя такой трудъ, и потому въ результатѣ его словъ какъ бы скрывается совѣтъ украинскимъ литераторамъ подражать языку галицкихъ писателей.

Попавшійся намъ подъ-руку Галицкій Сборникъ 1857 г. даетъ

возможность представить образцы литературного вкуса галицких писателей, и предоставить самим читателям оценку отзыва Современной Лѣтописи о ихъ языкѣ. Начнемъ съ оды на торжественное рукоположеніе въ епископы Куръ Спиридіона Литвиновича съ эпитафиемъ изъ русской лѣтописи: «И бысть великое веселіе и велія слава Руси нарещи толь оумна и доблестна мужа своимъ». Вотъ самая ода:

Въ престольномъ градѣ Австрійской Державы,
Въ церкви, гдѣ Бога Русь наша хвалитъ,
Восходитъ намъ въ міръ мужъ ума, славы,
Отчизны сладость, украса и щить.
Владыча митра, що свѣжими краски
Блеститъ на свѣтлой его головѣ,
Сплетена зъ Божой и Царской ласки
Во мзду заслугамъ его и любви...

Хотя въ произведеніи этомъ нѣтъ ни «пою», ни обращенія «къ музамъ», и эпитафія, взятый изъ русской лѣтописи, свидѣтельствуетъ, повидимому, о желаніи автора быть народнымъ; но нельзя, думаемъ, и на минуту ошибиться, что стихотворенію этому, по его содержанію, размѣру стиха и языку, почти такъ же далеко до народнаго склада, какъ и одѣ Ломоносова на взятіе Хотина, да еще пожалуй подалѣ.

Другую выписку дѣлаемъ изъ стихотворенія: «Бѣдъ на село.»

Якъ Гамлетъ все твердилъ Офеліи:
Иди, прекрасна, въ монастырь!
Иди, и скройсь въ самотной кельи,
Не возмущай собою міръ!
Такъ я, въ волненіи любви,
Склонивши жаркое чело,
Прошу тебе все темижъ словы:
Бѣдъ на село! Бѣдъ на село!

.....
Бѣдъ на село! у насъ тутъ въ мѣстѣ
Саміи ложніи цвѣты;
Ихъ барва, воия, сокъ и листѣ
Отравою суть честноты.

.....
Я тутъ противъ ударамъ грому
Поставлю дерзкое чело,—
Хоть сердце пукне... Жій другому...
Бѣдъ, чѣмъ скорѣйше, на село!

Изысканность содержанія этого стихотворенія, сентиментальность,

доходящая до приторности, и разглагольствованіе, при отсутствіи живыхъ и выразительныхъ красокъ, не только не имѣютъ ничего общаго съ произведеніями народной южнорусской музы, но и не находятъ себѣ ничего подобнаго въ кругу поэтическихъ твореній великорусскихъ авторовъ новѣйшаго времени. Вообще въ произведеніяхъ галицкихъ писателей, какъ прозаиковъ такъ и поэтовъ, стремленіе писать языкомъ, который живетъ въ устахъ народа, и писать народно по содержанію, — отодвинуто на второй планъ, и потому въ прозѣ у нихъ мы встрѣчаемъ выраженія очевидно не народной конструкціи, въ родѣ такого: »Солнце приглядалося въ польскаючомъся желѣзѣ и разносило отблескъ по лѣсѣ.«

Если приведенные нами образцы стихотвореній, напечатанныхъ въ Сборникѣ 1857 г., по языку своему ближе къ литературному русскому, чѣмъ произведенія украинскихъ авторовъ, то это свидѣтельствуетъ только объ удаленіи галицкихъ писателей отъ своей народности и, конечно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено ни къ чести русской литературы, ни къ заслугѣ галицкихъ писателей, тѣмъ болѣе, что послѣдніе не имѣютъ, какъ по всему видно, достаточно вкуса и такта для того, чтобы подражать новѣйшимъ и лучшимъ образцамъ русской литературы, и напоминаютъ въ своихъ произведеніяхъ языкъ великорусскихъ авторовъ псевдо-классической школы прошлаго столѣтія.

Неестественность и натанутость червоно-русскаго литературнаго языка, кажется, понимаютъ нѣкоторые изъ галицкихъ писателей, какъ это можно заключать изъ напечатаннаго въ томъ же Сборникѣ отзыва объ украинскомъ литературномъ языкѣ, по поводу стихотвореній Карпенка. Здѣсь авторъ обзорѣнія обращаетъ вниманіе своихъ читателей на то, что языкъ, употребляемый въ ихъ странѣ, имѣетъ своихъ писателей и въ далекомъ краѣ, и существуетъ на зло тѣмъ, «которыя неумѣючи тогоже, ради бы вознестися на орлѣныхъ крылахъ въ высоту учености и предписовати правила якогось литературнаго языка».

Недостатки, замѣчаемые въ языкѣ галицкихъ писателей, находятъ, думаемъ, отчасти свое оправданіе въ особенныхъ отношеніяхъ русской литературы въ Галиціи къ нѣмецкой и польской и въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ русскіе писатели выдерживаютъ борьбу съ могущественнымъ преобладаніемъ соперницъ. Пиша очень много и о предметахъ крайне разнообразныхъ, трактуя за-разъ о погодѣ,

урожаѣ, болѣзни скота, о политикѣ, наукахъ и искусствахъ, они не всегда находятъ для себя удобнымъ выискивать употребляемыя въ народномъ говорѣ, или по крайней мѣрѣ, наиболѣе къ нему подходящія слова и выраженія, и, вмѣсто того, кое-какъ заимствуютъ чужія готовыя формы, или предпочитаютъ имъ свои наскоро-составленныя quasi-народныя изрѣченія. На украинскихъ авторахъ не лежитъ столь трудная задача, и потому средства ихъ не носятъ на себѣ характера такой экстренности, какая замѣчается въ произведеніяхъ галицкихъ писателей. Украинскіе авторы, кромѣ, конечно, немногихъ исключеній, которыя дѣятельно преслѣдуются критикою, не дѣлаютъ посягательства на чистоту народнаго языка. Имъ нѣтъ надобности въ произвольномъ обращеніи съ русскимъ языкомъ, потому-что каждый изъ нихъ можетъ писать на установившемся языкѣ великорусскихъ авторовъ, языкѣ школы и образованнаго круга общества. По южно-русски пишетъ только тотъ, кто имѣетъ призваніе писать языкомъ народнымъ. Произведенія немногихъ, пріобрѣвшихъ извѣстность, украинскихъ авторовъ, по выдержанности въ нихъ народнаго характера, не оставляютъ ничего болѣе желать, въ настоящую минуту, относительно языка ихъ и содержанія. Какъ далеко пойдетъ украинская литература въ этомъ направленіи, и на долго ли она сохранитъ свой языкъ отъ вліяній, способныхъ сдѣлать его чужимъ для народа—объ этомъ трудно сказать теперь что-нибудь положительное, какъ трудно вообще угадывать будущее. Во всякомъ случаѣ, украинская литература, съ нынѣшнимъ ея направленіемъ, составляетъ замѣчательное явленіе посреди другихъ литературъ, какъ явленіе чисто-народное, и имѣетъ полное право на сочувствіе всѣхъ тѣхъ, для кого участіе массы въ умственномъ движеніи, представляемомъ литературою, не есть одно пустое слово, и для кого дорогъ вопросъ о грамотности и развитіи народа. Не нужно забывать, что полуграмотный и совѣмъ неграмотный народъ имѣетъ свои мысли и чувства, свое міросозерцаніе, выработанныя прошедшимъ и настоящимъ его жизни, и что его внутренній міръ не представляетъ собою такого матеріала, на которомъ его учителя могутъ записывать что имъ захочется—какъ на доскѣ, покрытой воскомъ.

Только языкъ, который живетъ въ разговорной рѣчи народа и въ его преданіяхъ, можетъ вызвать въ душѣ человѣка тѣ чувствованія, образы и сближенія понятій, съ которыми сроднилось его міро-

созерцаніе. Народное остроуміе, въ названіи вещей, любитъ соединять указаніе на другія, показавшіяся народному уму по чему-либо съ ними сходными. Таково, напр., по объясненію г. Кулиша, слово *сіромаха*, (названіе бѣдняка,) которымъ народное остроуміе привыкло напоминать вамъ его сѣрую одежду и скитальческую жизнь сѣраго волка (сіроманца). Замѣните это слово соотвѣтствующимъ ему, хотя бы и понятнымъ, выраженіемъ великорусскаго языка — и оно не воспроизведетъ въ воображеніи украинца сейчасъ-указаннаго нами сближенія. Въ сближеніи же понятій, какъ извѣстно — творчество и внутренняя жизнь нашего духа.

Языкъ народа, со всѣмъ разнообразіемъ и богатствомъ его содержания, есть его созданіе и существенная принадлежность съ той минуты, какъ только народъ выступилъ на поприще исторической жизни. Смотри по ходу событій, народная рѣчь воспринимаетъ больше или меньше чуждыхъ словъ; но всѣ такія прибавки количественно ничтожны въ сравненіи съ богатствомъ народнаго языка, который, съ матеріальной стороны, всегда остается однимъ и тѣмъ же. Смѣняются событія вѣтшей исторіи и явленія внутренней жизни: на горахъ, гдѣ гнѣздились разбойники, устраиваются великолѣпные города; пустыни обращаются въ великолѣпныя пажити; сосѣднія племена, вносившія въ страну ужасъ и опустошеніе, мирными сношеніями своими способствуютъ развитію народнаго богатства, процвѣтанію наукъ и искусствъ; сосѣди-враги дѣлаются союзниками; племена, составлявшія прежде отдѣльные политическіе союзы, соединяются подъ одну власть, и, наоборотъ — соединенные прежде-отдѣляются. Одни внутреннія учрежденія замѣняются другими. Сообразно съ этою смѣною явленій народной жизни, языкъ его, оставаясь, въ сущности, однимъ и тѣмъ же, измѣняется со стороны внутренняго значенія и формы. Измѣняются понятія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слово народнаго языка, имѣвшее прежде одно значеніе, получаетъ въ послѣдствіи другое. Прослѣдивъ видоизмѣненія понятій, которыя народъ соединялъ съ словами отъ начала своей исторіи до послѣдней минуты, мы узнаемъ всю его исторію, все его міросозерцаніе. Объясните затѣмъ, почему народъ одни понятія выражалъ только такими, а другія — иными словами, и въ чемъ именно состоитъ отлічіе его, въ этомъ отношеніи, отъ другихъ народовъ: — тогда вамъ представится физіономія народа и его исторія въ смыслѣ прагматическомъ. Слово народное, употребленное въ томъ смыслѣ, какой оно имѣетъ въ настоящемъ говорѣ народа,

естественно вызываетъ то понятіе его, которое народный умъ соединялъ съ нимъ прежде, если только память о первоначальномъ предметѣ, выражаемомъ словомъ, сохранилась въ народныхъ преданіяхъ. Возьмемъ для примѣра слово: «подданный». Теперь оно означаетъ отношеніе къ верховной власти; но прежде подданнымъ назывался крѣпостной человѣкъ, крестьянинъ. Употребите это слово въ бесѣдѣ съ Украинцемъ—и его память, по народнымъ воспоминаніямъ, пѣснямъ и думамъ, нарисуетъ вамъ феодальный бытъ польскихъ пановъ съ его характеристическою обстановкою: съ замками, съ надворными хоруговцами, съ губернаторами (управителями), съ данями, охотами и проч. Напротивъ, попробуйте употребить хоть общерусское, но забытое на Украинѣ, слово «плѣнникъ», вмѣсто *невольникъ*, *бранець*, *бранка*:—это слово, конечно, вызоветъ, въ вашемъ слушателѣ, воспоминаніе отряда плѣнниковъ, проходившаго безмолвно, во время послѣдней войны, съ нѣсколькими солдатами чрезъ селеніе, если только ему случилось ихъ видѣть; но не такъ легко его памяти перейти къ тому, что сохранилось въ сокровищницѣ изустнаго слова о невольникахъ и бранцахъ. Между тѣмъ, народная муза сохранила память о невольникахъ, которые дѣлались друзьями, домочадцами и спутниками всей жизни своихъ господъ. Въ невольничьихъ пѣсняхъ описываются тоска и страданія въ турецкой каторгѣ, и вмѣстѣ возношенія къ небу души, измученной несчастіемъ. Назовите Украинцу плѣнника—*невольникомъ*—и вы вызовете въ его душѣ многіе образы невольниковъ, созданные народною музою; его созерцаніе будетъ дѣятельнѣе и богаче, а благотворное дыханіе поэзіи ему подскажетъ любовное обращеніе къ жертвамъ несчастія.

Однимъ словомъ, говоря къ простому народу его языкомъ, мы входимъ въ непосредственное отношеніе съ его мірозерцаніемъ, потому что слова и понятія, нами высказываемыя — его собственныя и органически связаны съ его внутреннимъ міромъ. Если же мы попробуемъ съ нимъ объясниться на языкѣ, несовѣмъ ему понятномъ, и хотя бы, въ основаніи своемъ, языкѣ народномъ, но сложившемся и установившемся въ письменной литературѣ, помимо участія, въ образованіи его, самого народа, то намъ придется многое объяснять неграмотному простолюдину, а отъ ученика нашего потребуется достаточно времени и усилій для того, чтобы усвоить себѣ понятія, которыя соединяетъ литературное употребленіе съ такими или иными словами русской рѣчи,—чтобы овладѣть несовѣмъ понятнымъ ему меха

низмомъ литературнаго языка. Разрывая такимъ образомъ въ наукѣ связь съ міросозерцаніемъ народа, мы заставляемъ его проходить путь, уже имъ пройденный, или, выражаясь образнѣе, мы, стоя на горѣ, толкаемъ его внизъ для того, чтобы онъ опять подымался въ гору.

Вотъ чѣмъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ объяснить то явленіе, что произведенія великорусской литературы читаются только тѣми, кому судьба дала возможность посвятить наукѣ нѣсколько лѣтъ жизни, и какъ бы совершенно не существуютъ для малограмотныхъ простолюдиновъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ неприсотливыхъ уметвенныхъ организацій, которыя процессъ чтенія принимаютъ за самое чтеніе.

Произведенія Квитки, Шевченка и Марка Вовчка, напротивъ, читаются съ большою охотою всѣми, кто только кое-какъ овладѣлъ способностію изъ буквъ составлять слова. И—странное дѣло—произведенія эти читаются съ любовью даже и малограмотными великороссіянами, несмотря на болѣе или менѣе значительное отлччіе малорусскаго и великорусскаго нарѣчій. Вотъ неопровержимое доказательство народности этихъ произведеній и преимущества ихъ предъ галицкою и отчасти великорусскою литературою.

А. П.....кій.

ОДЪ РЕДАКЦІИ.

Високоповажнимъ: О-т-п-ч-с-к-у,—М-му В-р-вѣ и І. Ч-ри-
скому, въ Кишиневѣ,—О. К-цову, въ Таганрогѣ,—П-ну—М-чу
Ст-ц-ку, въ Гродно,—Г-ю А-т-ву, въ Крелевецѣ,—А. С-в-чу,
въ Москву,—А. С. К-в-л-скому, Н. Т-х-р-скому, А. З-му К-п-
к-му, въ Петербургѣ,—А. А-др-ку, В. П-т-р-к-ж-ха и М-лу
Ал-чу М-л-ш-ку, въ Киевѣ,—В. Д-б-к-му, въ Сосницѣ,—Ф.
Б-ч-ку, въ Станицу Надежскую,—А-ру А-чу Ост-п-ку Б-л-ку,
въ Апаньевѣ,—В-ю С. М-вѣ, въ Харьковѣ,—А-ю Сл-цкому, въ
Переяславѣ, Н. Н. П-т-ну, въ Градижскѣ,—В. М-с-л-ю, въ
Казанѣ,—и А. Е. Зв-н-г-скому, въ Кременчугѣ.

Якъ квіту по землі, такъ люду и слова різного по світу,—и для
кожного народу нема скарбу дорогшого надъ ёго рідне слово... Отъ
же (хоть воно й чудно) — ще недавно здавалося, що наше Укра-
їнське слово або зовсімъ зникне, або переробитця у иншу річъ, ви-
ступить у чужій одежі,—бо вже забували рідню мову люде письменні, що
брали ключъ розуміння и звались отцями и руководителями народу.—
Да якъ у давні роки простий людь нашъ судьбу України на своїхъ
плечахъ винісивъ, такъ и по сей часъ вінъ сберігъ своє рідне сло-
во, и—дяки нашому народові—пережило воно віки, пережило и тихъ
письменихъ, у котріхъ заснула народня душа, котрі, своїмъ неве-
личкимъ розумомъ, давно вже материнну мову въ могилу положили и
каменемъ привалили. Не розуміли й сторонні, а де—які й наші, пись-
маки, що зерно, у добру землю положене, якъ часъ настигне, из-
новъ вийде на світъ, и буйнимъ колосомъ закрасуетця... Такъ дісне
й сталося зъ нашою рідною мовою! Чого вона не перебула, якихъ му-

дрошей не переслухала одъ своїхъ и чужихъ людей—що бачать ажъ за лісомъ, а у себе передъ очима не бачать... Отъже, не загубила її ни холодна розсудливість, ни лиха година: »незагинула вона въ неволі,—незагине й зъ нами по волі«... »Зрадня ваша рада«, одказали ми тимъ письменникамъ, що насъ на свій—да позичений—ладъ на-вертали:» у насъ есть рада вірна, батькова:

»Не цурайтесь «(мовлявъ Тарасъ)» того слова,
Що мати співала,
Якъ малого сповивала,
Зъ малимъ розмовляла«...
«...Бо хто матірѣ забуває,
Того Богъ карає,
Того люде цурають—
Въ хату не пускають—
Свої люде якъ чужіи—
И немає злomu
На всій землі безконечній
Веселого дому!...«

Прозріли теперъ всі ми,—домислились и дознались, що своя свита міцніше за плечи взялася, — що зъ свого двору ніхто дороги не покаже—на виступці не попросить. «Лучче свое латане, ніжъ чужее хватане,—лучче свое лохматне, ніжъ чужее прохатне», думавъ нашъ справедливий и мудрий народъ... Такъ и ми, письменні, теперъ думемо.

На оповістку про »Основу«, и тутешні и дальні земляки стали слать намъ — зъ усіхъ кінцівъ України, зъ надъ Дністра и Дунаю, зъ Одеса, Криму, Чорноморіи и Кавказу, изъ Москви, Казані, Астрахані и зъ іншихъ сторінъ,—хто на що змігся... Протежъ, посилаючи вамъ привітъ и дяку одъ щирого серця, одповідаемъ вамъ зъ такою щиростю и правдою, якъ и ви до насъ озвалися. Може, тихе да тепле слово наше, наша дружня рада, на добро вамъ здасться, а ви насъ за те своєю радою зарадите: коли дѣ треба—навчіть, поправте—и діло наше піде веселішъ, и дружнішъ и краще.

Наша Українська мова, якъ и самі, здорові, знаєте, має въ собі велику вагу и силу; все, що перейшло черезъ серце и розумъ незлічимої семі, котра зъ давніхъ—давенъ жила и живе на нашій Україні широкій, — все одзначилось въ нашій рідній мові: и море въ хвилю и въ тишу, и зорі, що въ глибѣ его світатця, зъ яснимъ місяцемъ и палючимъ сонцемъ, зъ горами, степами й лісами; радість и

тута невиспуца; кохання щире и проклінъ; воля широка й темниця глибока,—голосъ неустанный великої душі народній, що все життя своє довговічне и дивне въ слові оповідала. — Кожне словечко не просто по чий-небудь єдиничній волі вилетіло зъ устъ та й стужавіло, и стало въ рядъ зъ іншими: ні, воно, може, довго блукало по громаді, поки дійшло свого права. Трапляється нагледіть у книжкахъ яке небудь наново стулене слово, — отъже й змічаєшъ—інше й не пішло далі: якъ послідъ, зогнала ёго мітла людської подоби геть изъ чистого зерна. Се жъ у книжкахъ швидко справа; а такъ, у громаді, скільки треба було часу, щобъ виростись новому слову зъ живою мовою! А зъ сього кожному буде розумно, що всяке слово має своє непомилне місце. Великий нашъ покійникъ, Шевченко, зразу урозумівъ усю красу, всю тонину и глибину Української мови, и полились изъ струнъ міцної лири ёго не слова, здалося намъ, а чисті слізи чистої душі народній. Бажається и намъ іти слідомъ народнього великого чоловіка. Досёго жъ довожу й річъ, бо въ присланій намъ праці щирихъ земляківъ нашихъ—въ іншій и не догледжено за мовою. Ми, боронь Боже, не думаємо провѣдити дорогѹ гостю тісними дверима, якъ и зпершу въ «Основі» сказано; нехай коженъ добрий чоловікъ пише якъ уподобавъ и змалку наслухався; тільки треба щільної уваги—чи такъ же якъ-разъ веде народъ річъ въ тімъ случаї, який хочемо оповістити. Не для кожного одразу здвинеться камінь, що кривъ ціли віки скарбъ слова, хочъ воно, мовъ барвінокъ підъ снігомъ, зосталося зелененьке и свіже. Мовчало воно, якъ дитина—сирітка, що сидить собі де-небудь підъ типомъ, да погляда на людей, ледве важучись до їхъ обізнатись. Чужі діти гуляють, красують, а нашу сирітку тільки сонечко гріє, та дощикъ обмиває,— и нема до ёго діла нікому. А приголубъ ёго, обізнись до ёго, якъ матінка,—воно такъ на тебе гляне, що ажъ на душі у тебе вияснитця, и вгледишъ ти рай у тімъ погляді. — Оттакъ-то и мова наша затуркана—не гляне вона на тебе до-ладу, поки не покохаєшъ її, поки вона тобі віри не пойме: тогді тільки кожна думка наша обявитця тимъ самимъ словомъ, що живе для неї межі народомъ. А то—найшли ми, у присилкахъ, и думъ доволі хорошихъ и щирості багато, да якъ би, кажу, прибрать їхъ якъ-разъ по нашому!.. якъ мати дочку виряджає у празникъ—у білу сорочечку, у плахотку, та й иде вона, якъ струночка. О, кожна мова у світі любить сее, щобъ її по своєму оденуть, чи московська—въ сарафанъ, чи німецька—у плаття. Якъ станешъ убіратъ

звичайненько, дивися—кожна мисль, коженъ віршикъ, заразъ и ви-ясняття, и заговорять по своєму; и вже твої думки не грають мовъ же у тісної баби—рядочкомъ усі посідають, якъ того треба.

Нашъ Марко Вовчокъ, якъ бжолѣ Божа, випивъ найкращу росу ізъ квітокъ нашої мови, бо покохавъ її, покохавъ той людъ, котрий ви-ливъ всі свої думки та гадки, все своє серденько, тією мовою. Безъ любові одна міць его *таланту* не помогла-бъ ему; нічого бъ вінъ не вдіявъ и однимъ розумомъ; а то читаешъ — не одір-веса одъ ёго речі, якъ въ жива одъ криничини: чуєття, віриття, що такъ, а не інако, помисливъ, чи потуживъ, чи порадувався чоло-вікъ, якъ у его малюнку знято.

Не можна тежъ запевнять, що и въ такихъ людей, якъ М. Вов-чокъ, не різнить дещо зъ народнєю мовою. Не легка річъ змогти сее. Ми попередили свою мову розвиваючись на іншихъ поляхъ, и виско-чивши на гору, часомъ недочуваємо гараздъ, що вона до насъ, го-лубка, промовляє. Протежъ радісно намъ слухать її чарівний голосъ и співать за нею, якъ зъуміємо. Не лѣгко, кажу, не помилитись, щобъ кожне слово було постановлено якъ-разъ тіі ціни, якої по-трібно для мислі: одъ сѣго замочка спражній ключикъ и въ старшихъ словесностяхъ не всякому дався, а у нашихъ початкахъ и геть-то!... на кожному ступні спіткнесся. Тамъ уже кожне слово запесено на папъръ, да огляжено, обпоряжено, да обдумано зъ усіхъ боківъ,—ча-сомъ ажъ передумано, що інше стратило свій цвітъ, свій запахъ рід-ний. А ми, кажу, пісьменні, схожі на чоловіка, що ввійде у чужу громаду, да поки розбере що до чого, — кличе Івана замісь Степана. У золоту обручку часомъ устави́мо такий камінець, якими греблі тільки бъ гатити... У поважній мові, дивися, стоїть слово, якъ п'яний чоловікъ у церкві; або кучеряве, да голосне, де треба гладенького, та тихенького.—Правдивий батько, — жалібникъ нашої мови, покійничокъ,—земля падъ нимъ перомъ!—літаючи високо у синій далечині, щобъ придивитьца до зірокъ, почувався іноді, що нема тіі струни, якої ёму треба; може була, да порвалася и затоптана за довгі часи. Отъже було понішпорить по святому пісьмі, або по іншихъ древ-ніхъ нашихъ книжкахъ, да витягне відтіль, озираючись, словечко, вста-вить его, злѣгка, у свою річъ, да обгорне своїмъ щирцѣмъ добірнимъ,—то мовъ воно тамъ и вродилось,—зросло, и не пізнаешъ его: одинъ цвітъ и пахъ у всему пучечку. Намістникъ Шевченка, Марко Вов-чокъ, ізрісъ далеко одъ батька у чужій на́уці, а перелетівъ — таки

чужі гóри — порвавъ усі пута, — не стомились міцні крила у молодого орляти — и спавъ вінъ на чесну и просту дорогу—дойшовъ до самої души народнєї. Спасибі незліченне нашому Маркові молодому, да тільки ёго кругосвітъ немаленький, ёго крила широкі, нестає ему всіх піръ до лёту, якого бажає. Однакъ, чимъ більшъ уваги буде до мóви, чимъ більшъ їй шаноби, щобъ, гнучи, де не надломить,—тимъ незмірєнно більше буде и доброго діла нашого для України. Марко Вовчокъ—наша надія—все зможе. Горе, якъ хто зъ гордою думкою, а не зъ щиростю, да коханнямъ до люду Божого, приступає до рідного слова, та й почне ёго калічить... А якъ напустимо калічокъ до чистої нашої мови, то не довга річъ їй и змарніти: якъ горóдина молоденька, стече міжъ бурьяномъ. Хибажъ мало прикладу на се по світу? Хоть и въ нашій хаті, щó поробило калічене старе письмо ізъ нашою книжною мовою? Або й Москва—чи скоро збулась надимання своєї словесности—«се россека Флакка зрака»? Насилу такі люде, якъ Пушкінъ, повимітали ту половину лавровими віниками, и начерпали живого слóва зъ живого люду. Отъже, вважаємо, и у насъ се въ іншихъ письмахъ вкидаєтця; може й одъ щирості,—даханаючись черезъ силу, щобъ не ввірвать. Найкраще—пóвагомъ; и косарь, якъ, знай, маха руками, та роскида очима: «а щó», мовъ, «чи й не косаріжъ ми»! то не вробить за тогó, що коса тільки—ше - лё-сть! ше-лё-сть! — підъ сáмий корінець бере: оттуть и зиску ждять, — все вибере при землі,—ні половнішнику, ні чебрецю пахучого не зоставить.

Інші думають, що у тому глиніщі нашому мало щирого злота, що въ нашій землі мало заживу? Більшъ може, а коли не більшъ, то стільки жъ, якъ и де інде, — да, бачте, безъ труда ні щó не даєтця. Народню мову не жартъ осягнуть усю въ її óбширі,—та нехай тільки добрі, та щирі, пахарі зъ увагою берутця за діло и розгоняють ширше и ширше цілину віковічну. Будемо припадать ухомъ до самихъ борозень, до голосу того, що зъ самóї землі підіймаєтця и въ якому строю йде, бо чи візьмешъ низче, чи вище, вже й чути: дзизчить твое слово осою въ усі, и не озветця воно луною по Дніпровихъ скеляхъ, по широкихъ степахъ и лугахъ,—не зростєтся щирими слёзами, якъ рідна, живуча, давня, якъ світъ, а усе свіжая пісня.

Що отсе заразъ ми завважили, найбільшъ припадає до присланихъ намъ віршівъ: увъ однихъ видно, що де-хто, взявшись за перо,

не тільки-що нового нічого межъ нашимъ людомъ, зъ устъ ёго, не довідався, да й того ще не прочитавъ, що вже десятки літъ якъ списано и напечатано... Такъ, не спорядившись, авторъ пішовъ собі *світъ за-очима* и мусивъ звернуть зъ простого народнёго шляху туди, куди й не треба, або, зновъ, замісь своєї, ступивъ на чужу тропу и переспівує думки чи народні, чи вже проспівані кімъ-другимъ.

Кохані земляки, посилаючи въ *Основу* свою первинку, найбільшъ на насъ здаютця: аби, кажуть, нашъ візь у ладъ котився—додаваймо рукъ: хто обома, хто—однією, а хто й пучкою навіть,—все жъ тягтимемъ по-троху.—Зъ щирою дякою для всіхъ и про все, випишемо по гарній частині зъ де—якихъ віршівъ, котрі не підійшли підъ нашу программу: нехай разомъ зъ нами полюбують на нихъ и другі читателі:

I.

— — — — —
Світить каганчикъ—не лучину...
Той—ніточку, а пасмо—другий,
Робота й вийде для почину...
И я на старості візьмусь
Хочъ валь... щобъ и свого додати,—
Бо въ спражні пряхи не гожусь:—
Аби крутить, аби не спати.

(А. Е. Звенигородський).

II.

Дё ти, доле, дё ти, доле?
Чи ти въ лісі, чи ти въ полі?
Чи недужа підъ копою
Притулилась самотою?
Чи по селахъ тиняється?
Чи у морі купається?
Чи на Донѹ зъ чумаками,
Чи въ будинкахъ межъ панами,
Чи съ хлопьятками у школі,—
Скажи мені моя доле?...

— — — — —
Було, 'тсе сяду у садку—
Підъ липою въ вечірню пору,
И пильно, пильно все дивлюсь

Якъ пишно сяють въ небі зорі;

— — — — —
А тамъ, дивись, волосожаръ,

Ниначе пава похожає...

А тамъ їх скільки! Боже мій!

Нехай хто злічить—угадає...

(Зъ меньшихъ вішівъ А. Я. Конського).

III.

И бачу я тоді ширёке синє море—

Клекоче глибині и стогне и реве,

И хвилі піняві збігаютьця якъ гори,—

И гурть човнівъ по морі тимъ пливё;

И дружно козаки на весла налігають,

И ко́жний піну бє и ко́жний хвилю рве....

Лютє, стогне море, зъ реберъ їх скидає,

И піною, скажєне мовъ, імъ очі забиває—

Я чую гóлосъ їхъ... я бачу—потопають!...

(Козакъ В. М. Мова).

IV.

Козаче—небóже, чого ти сумуєшь?

Чого ти частенько и тяжко зди́хаєшь?

Чи жінка недужа, чи, може, горюєшь

Що дітки померли? худóби немаєшь?—

— И жінка здорова и дітки живенькі,

Въ господі и въ скринахъ худóби доволі,

И вівці ведутьця, и коні гарненькі,

Все маю—да тільки не маю я во́лі!

Нужуся—хоть часомъ хотівъ би сміятця,—

Забавить дитину, якъ бідне заплаче,—

Такъ де́ж тамъ! насуплюсь, що й діти боятця,

Дивлятця на батька—на вовка нина́че.

(п. м. Стаценко).

V.

Якъ глі́ну—поглі́ну у чистеє по́ле

Роскішне, ширóке, якъ синєє мо́ре,

Дале́ке, якъ небо, приві́тне, якъ до́ля,

Веселе, тихеньке—ні смѣти, ні гóря;
Якъ глянѹ я въ полé—душá затрепéче,
Сérце нáче птáшка въ клѣтцѣ защебéче,
И я забажáю ширóкóй вóлѣ,
Якóю кохáвся козáкъ на роздóллѣ,
И клѣчу тѹ вóлю,—въ степѹ лунá гíне...
А вóля козацька до мéне не лíне!...

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
16161 БІБЛІОТЕКА

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 4-й книжкѣ «ОСНОВЫ».

Абб—шо—что-ли.

Ажъ ось—какъ вотъ.

Ажъ генъ—вонъ тамъ, далеко.

Байдакъ—родъ большой лодки, судна.

Бандура—название музыкальнаго струннаго инструмента.

Баня—куполь церковный.

Баранчикъ—ягненокъ самецъ.

Бибѣхъ!—звукоподражательное слово, выражающее паденіе тѣлъ.

Безпѣшно—безопасно.

Бідаха—бѣдняга.

Бідота (собирать.)—бѣдняки.

Божо—(нарѣч.) по божьему.

Борщъ—родъ украинскихъ шей.

Бразолійний—бразолія (родъ темной краски).

Братчикъ—такъ назывались члены церковныхъ братствъ, равно всѣ, между собою, воины Запорожской Сѣчи.

Бава—(дѣтское слово) боль; рана.

Варзѣкати—д. б. нести вздоръ.

Варта—караулъ, стража.

Вартувати—отбывать караулъ, сторожить.

Вѣлико—много.

Верхівъ—верхушки деревъ.

Вибачити—извинить.

Вибудувати—состроить, выстроить, соорудить.

Вигребти—выгрести.

Видибуляти—выбresti, выйти какъ будто на ходуляхъ, или какъ дитя, не твердое еще на ногахъ.

Визволити—избавить, освободить.

Випікати—выжигать; укорять.

Вірій—теплыя страны, куда перелетныя птицы отлетаютъ на зиму.

Віспівати—пропѣть все; приобрѣсть что-нибудь пѣснями.

Віступцемъ—кокетливой походкою.

Витягти—вытащить, вытянуть.

Вишуквати—отыскивать, розыскивать.

Вівчарикъ—овечій пастушокъ; также—бекасъ.

Відцуратися—отказаться; прекратить всякія сношенія.

Відъ—(предлогъ) отъ.

Віжечки (ум.) отъ віжки—возжи.

Віконечко—окошечко.

Вінця—края посуды, — отъ слова — вѣнецъ.

Вірай, вірей см. вірій.

Вітрякъ—вѣтряная мельница.

Вклонитися см. уклонитися.

Вловити—поймать.

Воєвийкъ—боецъ, рубака.

Впектися—надоѣсть сильно.

Ворогувати—враждовать.

Ворухнутися—пошевелиться, зашевелиться.

Впинити—остановить, удержать.

Вподобачити, д. б. вподобати—поправить.

Віпоратися—окончить занятіе, выполнить начатое.

Всміхъ—усмѣшка.

Встигнути—поспѣть во-время.

Всяково—всячески.

Втѣмити—понять.

Вчипити—сдѣлать, произвести; о хлѣбѣ—заквасить, сдѣлать квашню.

Вшквѣрити—глаголь, выражающій моментъ быстрого и сильнаго дѣйствія.

Вшкѣдити—надѣлать вреда, убытку.

Въ рядіи—годи — изрѣдка, когда-когда!

Гошовый—крытый драбую.

Грати—железный переплетъ у оконъ, рѣшетки.

Грѣцкій—превосходный, изящный, хорошій.

Гудзикъ—пуговка.

Гайновати—раскидать все въ безпорядкъ; портить.

Гарбузінія—стелющіеся стебли тыквы.

Гарбузовый—тыквенный.

Гілочка—вѣточка.

Гірло—узкій проходъ между лиманомъ рѣки и моремъ.

Годника—часочекъ, хорошая погода.

Годинокъ—минуточка; лихая годинокъ, возгласъ, выражающій несчастное стеченіе обстоятельствъ.

Годовати—кормить.

Годуватися—кормиться.

Головувати—быть сельскимъ головою.

Горобецъ—воробей.

Гомоніти—говорить, шумѣть.

Горлянка—горло.

Господарка—хозяйка.

Господарство—хозяйство.

Гребелька—плотника.

Гречаникъ—гречневая булка.

Гуконѹти—произвести сильный крикъ, возгласъ.

Гукъ—крикъ, шумъ.

Гультій—гуляка.

Даремне—даромъ, напрасно.

Даровитий—доставшійся даромъ, даровой.

Даромъ—ни за что, даромъ.

Даховий—кровельный.

Дахъ—крыша.

Девятини—помянанье покойника въ девятый день по смерти.

Держално—рукоятка.

Де-що—кое-что, кой-что.

Дѣргоуѹть—дернуть, рвануть.

Дзюріти—сильно, быстро литься тоною струею.

Дзюрчати—журчать.

Дитинка—дитя.

Дівота—(собираетъ) дѣвѹцы.

Дівчачий—дѣвичій.

Добачати—хорошо видѣть.

Докѹпи—въ одно мѣсто.

Домотканій—домашняго издѣлія, тканья.

Домувати—сидѣть дома.

Доя(ум., ласк.) дочь.

Дорозумуватися—понять, додуматься.

До-схочѹ—сколько угодно.

Дочувати—хорошо слышать.

Драбина—деревянная лѣстница.

Дремѹти—быстро побѣжать, удирать, уйти.

Дрижакі—дрожь.

Дрюкъ—дубина.

Дурнішати—становиться глупѣе.

Жѣврѹти—горѣть тихимъ огнемъ безъ пламени, раѣть, глѣѣть.

Жмѹнка—горсточка.

Жонота—собираетъ.—женщины.

Жѹжомъ—(нарѣч.) въ безпорядкѣ, вверхъ дномъ.

Забачити—увидѣть.

Завирѹха—метель.

Загадати—приказать.

Загадатися—замечаться, задуматься.

Загусті—загудѣть.

Задрігати—заболѣть ногами.

Заздрость—зависть.

Закамарокъ—тайный, скрытый уголокъ, мѣстечко.

Закудкукавати—(о курахъ) закудахать.

Замірити—заговорить невнятно; сквозь зубы.

Замісь—вмѣсто.

Замовляти—заговаривать, произносить заговоръ (о леченьѣ заговорами).

Заможний—закяточный.

Замуровати—закладъ кирпичемъ, камнемъ.

Занедбати—оставить безъ вниманія.

Запашний—душистый.

Запінняний—завѣшенный.

Занолощ—крашенныя, цвѣтныя нитки изъ хлопчатой бумаги.

Запротѹрити—запропасть, дѣвать.

Зарадитися—обезпечить себя.

Заразъ—сейчасъ.

Зарятувати—помочь.

Засититися—загрузить; увязнуть въ грязи.

Заслабнути—заболѣть, обезсилѣть.

Засоромитися—сконфузиться.

Застібати—застегивать пуговицы и т. п.

Затишній—уютный, такой, гдѣ есть защита отъ вѣтра, непогоды и проч. (о мѣстѣ, помѣщеніи и т. п.).

Захмиліти—сдѣлать пьянымъ; въ пер. смыслъ—сильно ударить, оглушить ударомъ.

Захропѹти—захрапѣть.

Збувати—сбывать, избавляться, отдѣлаться отъ чего.

Звернѹти—своротить.

Звідсіля—отсюда.

Звікувати — провести жизнь.
 Звірина — звѣрь.
 Згіршъ см. не згіршъ.
 Зглянутися — посмотреть другъ на друга; помиловаться.
 Згода — согласие.
 Згодитися — согласиться, условиться.
 Згуба — погибель.
 Згубити — потерять, погубить.
 Згубця — губитель.
 Здобути — приобрести.
 Здорово — сильно, очень.
 Зеленастиий — зеленуватый.
 Ззирнутися — взглянуть другъ на друга.
 Зітхати — вздыхать.
 Злодіенко — сынъ вора.
 Злодійка — увелич. отъ Злодій, воръ.
 Злякати — испугать.
 Змайструвати — смастерить, сдѣлать, приготовить, соорудить.
 Змущувати — принуждать.
 Зникчѣнніи — сдѣляться ничтожнымъ, ни къ чему годнымъ.
 Знісокъ — послѣднее, самое маленькое яичко, которое сноситъ курица.
 Зозвобити — изъяснить согласие (говорится в почтительн. смыслѣ).
 Зопьястися — приподняться на цыпочкахъ, — на заднихъ лапахъ, опираясь на что-нибудь, подняться.
 Зорявий, зоряний — звѣздный.
 Зпитати — спросить.
 Зробитися — сдѣляться, случиться.
 Зстаріти — постарѣть.
 Зупиняти — останавливать, задерживать.
 Зхоплюватися — схватываться, подниматься.
 Зь-ляку — съ испуга.
 Издригну́тися — вздрогнуть.
 Имля — мгла.
 Индицитися — хорохориться, какъ индѣйскій пѣтухъ.
 Ить! — эх! и т. п.
 Іжакъ — ежъ.

Каганчикъ, уменьш. отъ Каганецъ — родъ плоти, или починка.
 Казанъ — церковная проповѣдь, слово.
 Калюжа — лужа.
 Карахонька — родъ маленькой тыквы.
 Карбіванецъ — цѣлковый, серебряный рубль.
 Качечка — утка.
 Квакъ — болотная птица.
 Керсѣтъ — женская верхняя одежда,

похожая на великорусскую поддѣвку, безъ рукавовъ.
 Кѣте — дайте.
 Кілочокъ — колышекъ.
 Клунька (ум. отъ клуныя) рига.
 Книшъ — родъ булки, съ разрѣзанными и завороченными внутрь измалееными краями.
 Кнуръ — боровъ, плодovикъ.
 Кобенякъ — верхнее, мужское платье съ капюшономъ.
 Кожушокъ — тулупчикъ.
 Колись — когда-то.
 Коло (нарѣч.) — возлъ.
 Колодій — большой нескладной ножъ.
 Комашина, комашечка — мошка, самое малое крылатое наѣкомое.
 Комірєць (ум. отъ Коміръ) — воротничекъ.
 Комірка (ум. отъ комора) амбарчикъ, кладовая.
 Конейта — лошадеики.
 Коникъ — конёкъ, кузнечикъ, гребень (у кровли), прятникъ, подставка.
 Контентувати — довольствоваться, снабжать всѣмъ нужнымъ.
 Копилити нѣса, губу — поднимать носъ, показывать губами знакъ неудовольствія, отвращенія.
 Коханія — любовь.
 Кошара — загонъ для овецъ и козъ.
 Краля — королева; дама въ картахъ.
 Краза см. грата.
 Крапанка — окрашенное яйцо.
 Кришеникъ — ломтикъ, плоскій кусочекъ, пластинка.
 Кувбущечка — небольшой деревянный сосудъ для масла, и проч.
 Кудлатий — мохнатый.
 Кукурікання — пѣнье пѣтуха.
 Кумонька (ум. ласк.) кумушка.
 Бундель — названіе крушой породы овчарскихъ мохнатыхъ собакъ.
 Купецъ — кучка.
 Кухарчя — поваренокъ.
 Кухаръ — поваръ.
 Куховарка — кухарка.
 Кучерявий — курчавый, кудравый.

Лагідненький — кроткій, мягкій, вѣжливый.
 Лагодити — снаряжать, готовить, починять.
 Лайка — брань.
 Ластівочка — ласточка.
 Лѣдве — едва, всилу.
 Лейстровий — реестровый, записанный въ реестръ, официально признаанный (о козакахъ).
 Линтваревий — сдѣланный изъ овечьей шкуры.

Лийтисся — ухаживать (за дѣвушкой).
Ліжма (нарѣч.) лежа, не вставая.
Ліса — тынъ, плетённый изъ лозы заборъ.

Літечко (уменьшит.) лѣто.
Лусь! — выражается легкій трескъ, шелканье.

Лягови — время, когда ложатся ночью спать.

Ляхівка — полька; родъ шитья и тканья.

Майданъ — площадь.

Малеча — (собр.) дѣти.

Малюсінскій — маленький.

Мандрівка — побѣгъ; бродяжничество.

Матусинъ — матушкинъ.

Медяній — медовой.

Медяникъ — медовый пряникъ.

Мерѣжка — узоръ (шитья), узорчатая полоска рисунка.

Мерщій — скорѣй, проворѣй.

Метѣлиця — мятель; названіе танца, въ которомъ танцующіе кружатся на подобіе мятели; музыка и пѣсня извѣстнаго танца.

Метикувати — разсудить.

Метунитисся — хлопотать, суетиться.

Миготіти — мигать, блестеть, сверкать.

Мизѣрство — (собр.) жалкій, бѣдный народъ; бѣдность.

Мисникъ — полка, на которой размѣщаются миски и прочая посуда.

Місце — мѣсто.

Мовчязній — молчаливый.

Молодичка — молодая замужняя женщина.

Молоднеча — молодежь.

Моріжокъ — ум. отъ морігъ мурава.

Моторошно — (нарѣч.) тошнить, кружится свѣтъ, неловко, безпокойно.

Мріти — видѣться неясно, вдали.

Мүлитисся — жаться отъ неудобства, не рѣшаться.

Набутокъ — прибыль.

Наважуватисся — преднамѣреваться.

Наветъ — даже.

Наглядъ — присмотръ.

Надійти — подоспѣть.

Назірити — запримѣтить.

Назірцемъ — подсматривая, неспуская съ глазъ.

Найкращій — самый лучший.

Намавати — нащупать.

Напужитисся — принять надменный идъ, надуться.

Насіннячко — сѣмечки.

Настобурчити — приподн. вверхъ, взбить волосы и т. п.

Нахилитисся — наклониться; податься.

Невісточка — невѣстуха.

Не згіршъ — не хуже.

Не клѣпана коса — не отточенная молоткомъ, тупая коса.

Ненька (уменьшит. ласк.) мать.

Нечупарно — неопрятно.

Ниначе — словно, точно, какъ будто бы.

Ніби — словно, точно, какъ будто бы.

Ніколи — некогда.

Ні однісінького, — ой, и проч. — рѣшительно ни одного, — ой.

Нійково — (нарѣч.) выражающее неопредѣленное, стѣснительное положеніе.

Нумо, нумъ — станемъ, будемъ, давай.

Обгорнуті — обернуть, обнять

Облизень — пощечина, затрещина, ударъ.

Обліччя — паружность, лицо.

Обночуватисся — переночевать.

Обночувати — переночевать.

Оброть — родъ узды, но не изъ кожи и безъ удилъ.

Овечата — барашки.

Одвірокъ — притолока двери.

Одичикъ — (ум. отъ одінець) единственный сынокъ.

Одчепіти — отвязать.

Озирнутисся — оглянуться.

Опукъ, — ка — впукъ, внучка.

Опийитисся — очутиться.

Опісля — послѣ.

Осліпъ — (нарѣч.) какъ слѣпой, ошупью.

Осміхнутисся — улыбнуться.

Охвігніше — охотѣй, веселѣй.

Очинений — растворенный, открытый (о дверяхъ и т. п.).

Очиняти — отворять.

Очортіти — сильно надоѣсть.

Паламарювати — быть въ должности паюмара.

Паланка — такъ назывались запорожскія села, въ которыхъ сосредоточивалось управленіе.

Палкій — удобовоспламеняемый, горячій; пылкій.

Панюга — (увелич.) большой баринъ.

Панька — барышня.

Паровиця — большой воловый возъ, запряженный парой воловъ.

Парубіка — паренёкъ.

Пасічка — пчельникъ.

Патрати — потрошить зарѣзанное животное для приготовления его въ пищу.

Пекучий—палачий, жаркий.
Пелюшка, мн-ки—пеленки.
Передивитися—пересмотрѣть, переглядѣть.

Перехожати — исхаживать, проходить.

Перечікати—(дѣт. слово) перерѣзать.

Пильнѣсенко—очень пристально.

Пильнувати—пристально смотрѣть, наблюдать.

Пиндючитися — поднимать носъ, дуться и т. п.

Пйсанка — расписанное цвѣтами и изображеніями яйцо.

Півкурчати—поль-цыпленка.

Півпівника—поль-пѣтушка.

Підвѣжати—поднять.

Підлабузнитися — подлеститься, подсесть, примазаться къ кому.

Підсмікати — подобрать платье для удобства при работѣ.

Підсміювати — говорить кому, подсмѣиваясь надъ нимъ.

Підтюпцемъ—походка между обыкновеннымъ шагомъ и рысью.

Підчеревий—о животныхъ, у которыхъ шерсть на брюхѣ отличается отъ остальной.

Пісковатий—песчаный.

Плахтина, ум. отъ Плѣхти.

Повеселішати—повеселѣть.

Повицүплювати—повытаскать.

Повітка—навѣсъ, сарай.

Повішати—повѣсить.

Повкладатися—улечься.

Повновидий—полнолицый.

Повчінлюватися—вѣщниться.

Погодити—полапріятствовать.

Подужати—осилить, одолѣть, смочь, сдѣлать.

Позамуровувати—заложить каменною стѣною; засновать (какъ морозъ стекла).

Позачинювані—(двери, окна) затворены, закрыты вездѣ и всѣхъ.

Позирати—посматривать.

Позичати—занимать, одолжаться.

Позихати—зѣвать.

Покізь—пока.

Покраяти—изрѣзать, отрѣзать.

Покүта—эпитимія.

Полагодити—починить, исправить.

Побудень—полдникъ.

Полуднувати—полдничать.

Полумисокъ—тарелка.

Поляпасъ—оплеуха, пощечина.

Помазки—опушь.

Понахилані — нагнувшіеся, нависшіе.

Понятися—вступитъ въ бракъ.

Попанячитися — заразиться барствомъ.

Попобити—поколотить, побить.

Попускъ—льгота, облегченіе.

Порада—совѣтъ.

Пороздаровувати—раздать, раздарить.

Поскрібочокъ—остатокъ тѣста, выскребенный изъ квашни.

Пороставати—растать.

Поснідати—позавтракать.

Посоромитися—посоветиться.

Поспитати—спросить.

Постановити—поставить.

Пострахати—пристращать.

Поступъ—походка.

Потрачати—терять, тратить.

Потриножити коней—спутать лошалямъ ноги такъ, чтобъ одну заднюю связать съ передними.

Потурати—давать поблажку, потакать.

Потурбуватися—побезпокоиться.

Потуркотити — загремѣть возомъ при отъѣздѣ.

Похірити—поболѣть.

Поцінно—дешево.

Привітати—привѣтствовать, поздороваться.

Пригода — несчастіе, невзгода; услуга.

Пригодонька—(ум.) несчастіе.

Приземокъ — дитя, чуть подростшее отъ земли.

Прикипнати—прирости къ землѣ, на мѣстѣ; остаться неподвижнымъ.

Прикладка—насмѣшливый эпитетъ, насмѣшка, острога.

Прираяти—посоветовать.

Присіинки—крылечко.

Пристрити — слезъ, дурной глазъ, болѣзнь отъ глаза.

Приторкати—прикасаться.

Пригуліти—прижать.

Пришкварити—прижарить.

Прогодувати—прокормить.

Прожогомъ—опрометью.

Проміння—лучи, свѣтъ солнечный и лунный.

Процвітати—разцвѣтать.

Прочанінъ—богомалецъ.

Прочуханъ—наказаніе, проука.

Пружокъ (ум. отъ пругъ) рубецъ, выпуклый жолобокъ.

Пустота—шалость.

Пусгунчикъ—(уменьшит.) шалуны.

Ремствувати—злоствовать, злопамятствовать.

Рештовати — вооружать (пушками судно); снаряжать.

Римига́ти — жевать жвачку (о во-
лахъ).

Рипли́вий — скрипучий.

Рівча́чокъ — канавка.

Робачо́къ (уменьш.) родъ червяка.

Роди́чъ — родственникъ.

Розвору́шити — разшевелить.

Розго́рити — добыть съ трудомъ.

Розгре́бти — разгрести.

Роздивля́тися — разсматривать, ос-
матриваться кругомъ.

Роздроди́тися — раздражиться, разъ-
яриться.

Роззя́вити — разинуть.

Розко́шланий — растрепанный.

Розледа́чити — испортиться, развра-
титься, сдѣлаться негоднымъ.

Розсе́рдитися — разсердиться.

Роско́нувати — раскапывать.

Росперізува́тися — распоясываться.

Росі́яний — росистый.

Рубо́мъ — (нарѣч.) ребромъ.

Ря́мь — рубище.

Садовина́ — садовые деревья, плоды
и проч.

Сакі́вкй, ум. отъ Сакви — двойной
мѣшокъ.

Свекриво́нка (ум. ласк.) — свекровь.

Світка, ум. отъ свита — родъ верх-
няго платья.

Сі́лькієсь — нужды нѣтъ.

Скарбо́вня — мѣсто храненія денегъ.

Скі́кнути — (дѣт. слово) скочить.

Скня́рость — купость, скражни-
чанье.

Скра́дуватися — подкрадываться.

Скрі́нка — ящичекъ, шкатулка.

Скубо́ути — сильно дернуть за во-
лосы и проч.

Слізо́нка — слѣзка.

Служба́ — обѣдня.

Смакува́ти — находить вкусъ въ чемъ-
либо.

Смі́ливость — смѣлость.

Смішлі́вий, ва, ве, — охотникъ, — ца
смѣяться.

Сму́жка — (уменьш. отъ смуга) по-
лоска.

Смуткува́ти — тосковать, грустить,
пригорюниваться.

Сму́токъ — тоска, грусть.

Собъ́ — вѣлво (слово, которымъ за-
ставляютъ волковъ поворачивать на лѣво).
Сорокові́ни — поминанье покойника
въ сороковый день по смерти.

Сох́а — деревянный столбъ, бревно или
подпорка, на которыхъ утверждается
кровля, перекладина и т. п.

Сбі́шниківий — подсолнечниковый.

Спільна́ — (нарѣч.) пристально.

Споді́ванка — надежда.

Споді́ятися — сдѣлаться, случиться.

Сподо́бати́ся — полюбовиться.

Спочі́нокъ — отдыхъ.

Старе́зний — очень старый.

Старува́ти — быть старымъ, ою; го-
ворить, какъ старики.

Старше́нький — (уменьш.) старше.

Стеме́нісько — точіхонько.

Стоми́ти — утомить.

Сторо́нька — сторонushка.

Стри́б! — выражается моментъ
прыжка.

Стригу́нець — жеребенокъ, у кото-
раго не выросла еще грива.

Стрі́вай — погоди.

Стрі́ти — встрѣтить.

Стусо́ути — сильно толкнуть кого.

Сумі́рний — скромный, тихій, сми-
рный.

Супру́га — пара воловъ.

Схі́дъ — сонця — востокъ.

Схо́пити — схватить.

Тага́нь — желѣзная подмостка, на
которой вѣшается или ставится коте-
локъ или горшокъ, когда нужно варить.
Та́чки — уменьшит. — такъ.

Тала́нько — (ум. отъ таланъ), —
счастье, удача.

Та́нути — таять.

Та́то — ласк. названіе отца у дѣтей.

Тату́сь (ум. ласк.) батюшка, отецъ
(родной).

Теми́ота — (собир.) темъ; темный людъ

Тепе́реньки (уменьшит.) теперь.

Ти́нь! — выражается моментъ быстрой
остановки при движеніи, при даваніи.

Тіту́сь (ум. ласк.) тетенька.

Тойді́ — тогда, въ то время.

Толо́чити — мять, сбивать (траву,
хлѣбъ).

Торби́на — сума; небольшой мѣшокъ.

Тра́питися — случиться.

Тримі́ти — трастись.

Три́чі — трижды.

Троі́стий — тройной, состоящій изъ
трехъ.

Троха́ — чуть ли.

Трудо́вий — приобрѣтенный тру-
домъ.

Тупцюва́ти — часто топтать ногами,
пригонывать.

Турбува́тися — беспокоиться, трево-
житься, хлопотать.

Увесь́ — весь.

Угамува́тися — успокоиться, унять-
ся.

Ужи́токъ — достояніе, имущество;
пользованіе.

Узгір'я—пригорокъ.
Уквіча́ти—убрать цвѣтами, зеленью, вѣтвями.

Уклоні́тися—поклониться.
Уло́нька (ум.) улица, гулянье.
Упи́р'яка (увелич.) упырь, колдунъ, (бранное слово).

Упо́рати—покончить, сдѣлать.
Упо́рхати—угомонить, успокоить.
Уся́къ—каждый, всякій.
Утихо́міритися—успокоиться.
Ушкв́арити—см. вшкв́арити—
Утра́пити — понасть, найти дорогу къ мѣсту.

Фѣ́жа—сильная мятель.

Ха́зі́йствечко—ум. отъ хозяйство, имущество.

Ха́йва—голенище.
Хапа́ти—хватать.
Ха́яти—порицать, хулить.
Хви́ртка—калитка.
Хижа́цтво—хищность.
Хло́пчикъ—мальчикъ.
Хлоп'я́—мальчикъ.
Холодо́къ—прохлада, тѣнь.
Хре́щикъ—родъ игры.
Ху́га—погода съ вѣтромъ, морозомъ и мятьею.

Худі́бонька—(ум. отъ худо́ба) имущество.

Хуте́нько—(уменьш.) скоро.

Цви́нтаръ—погость церковный.

Цебені́ти—сильно литься (о жидкостяхъ).

Пей—этогъ.

Ці́і, ці́іі—(женск. род. пад.) этой.

Ці́лечкий—(уменьшит.) цѣлѣховный.

Ціпо́чокъ—тросточка.

Ціпу́ра—(увелич.) палка.

Цио́та—доблестъ.

Цура́тися—чуждаться, отрекаться.

Цуръ—чуръ; цуръ ёму́ и проч. чортъ съ нимъ!

Цу́чикъ—щенокъ.

Ця́цкѡваний—покрытый украшеніями, испещренный.

Чергува́тися—очередоваться.

Череда́—сельское стадо.

Чи́къ—выражаетъ мгновеніе рѣзанія (дѣтск. слово).

Чинба́рський—кожевничій.

Чолові́ченько — (ум. ласк.) муженькъ.

Чому́? — отчего, почему?

Чу́ти—слыхать.

Ша́рварка—шумъ, бѣготя и т. п.

Шлю́бъ—брачный вѣнецъ; вѣнчаніе; бракъ.

Шти́ль — стиль, строй, способъ, родъ, образъ.

Щі́чка—щечка.

Що-дні́й — ежедневно.

Югну́ти — шмыгнуть.

Янго́ля—ангельчикъ.

Яро́къ (уменьшит. отъ яръ)—степной оврагъ, покрытый кустарникомъ или лѣсомъ, съ ручьемъ.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

ПОВІСТКИ

(Народні Оповідання)

МАРКО ВОВЧКА.

2-е изданіе съ малороссійско-руско-польскимъ словаремъ.

Цѣна безъ пересылки—50 к. сер.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ «Основы» при книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Нв. Давыдова, Н. П. Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова;

ВЪ МОСКВѢ: у П. В. Базунова;

ВЪ КІЕВѢ: у В. Г. Борщевского;

ВЪ ПОЛТАВѢ: у Э. Л. Изопольскаго и Эм. Гр. Чижака;

ВЪ ТАГАНРОГѢ: у К. Д. Данилова;

ВЪ ОДЕССѢ: у Ал. С. Великанова,

и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: Редактору «Основы», *Василію Михайловичу Бьлззерскому, въ С. Петербургъ, у Кружала Рынка, въ домъ Принца Ольденбургскаго.*

Цѣна за **12** книжекъ, каждая отъ 12 до 13 печатныхъ листовъ, **8 р. 50 к.** безъ пересылки, **10 р.** съ пересылкою и доставкою изъ домъ въ Петербургъ.

Подписавшіеся и послѣ выхода 4-хъ книжекъ «Основы» получаютъ все изданіе съ 1-ой книжки.

Рисунки Живописной Украины, или Украинскаго Альбома, (о которомъ объявлено въ 1-ой книжкѣ Основы), будутъ выходить непрерывно каждый мѣсяцъ, начиная съ нынѣшняго апрѣля.

Цѣна за 24 рисунка въ годъ: 4 р. с. съ пересылкою для тѣхъ лицъ, которые подписались на Основу, а для прочихъ 5 р. с. безъ пересылки и 6 р. с. съ пересылкой; — отдѣльно, за каждый рисунокъ, 30 к. с., а за все 24 рисунка вмѣстѣ, когда они будутъ изданы, назначится цѣна 6 р. с. безъ пересылки. Рисунки будутъ гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ, и наклеены на толстую французскую бумагу, въ размѣрѣ Основы. Иногородные будутъ получать рисунки еженѣсячно.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Дм. Еф. Кожанчикова и В. П. Печаткина, на Невскомъ проспектѣ. Иногородные могутъ обращаться съ требованіями на имя *Льва Михайловича Желчужникова, въ С. Петербургъ, на Васильевскомъ островѣ, по 40-й линіи, въ домъ Соловьева, — въ редакцію Основы.*

16161

